

★ МАКСИМ БУЗИН ★

# ГЛАВНЫЙ БОЙ



Рейд  
разведчиков-мотоциклистов

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Максим Бузин

**Главный бой. Рейд  
разведчиков-мотоциклистов**

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Бузин М. Л.**

Главный бой. Рейд разведчиков-мотоциклистов / М. Л. Бузин —  
«Махров», 2017 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-699-99484-7

Холодная весна второго года войны... После советского контрнаступления под Москвой на фронтах наступила оперативная пауза. Но это всего лишь затишье перед бурей – грядут страшные летние сражения, апофеозом которых станет битва за Сталинград. Смелый рейд отчаянных разведчиков на новеньких отечественных мотоциклах М-72 по гитлеровским тылам заставил врагов пересмотреть планы наступления. Но главный бой для красноармейцев отдельного моторизованного разведывательного батальона еще впереди! Смогут ли отважные бойцы захватить хорошо охраняемый противником стратегический мост и удержать переправу в своих руках до подхода наших танков?

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99484-7

© Бузин М. Л., 2017  
© Махров, 2017

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

# Максим Бузин

## Главный бой. Рейд разведчиков-мотоциклистов

### Глава 1

– Разрешите, товарищ майор! – лейтенант Буренков, коротко постучавшись, заглянул в комнату, которую занимал командир разведывательного батальона Артем Тимофеевич Кочергин.

– Проходи, Сережа! Располагайся! Через пару минут закончу! – Майор Кочергин, сидя за письменным столом, что-то писал в толстой зеленой тетради, и, судя по страдальческому выражению лица, данное занятие не доставляло ему особого удовольствия.

Лейтенант опустил на стул, вытянул ноги и прикрыл глаза. Он очень устал. За прошедшую неделю возглавляемая им группа разведчиков дважды ходила за «языком», но все впустую.

Немцы были начеку, усилив боевое охранение своих позиций и выставив дополнительные дозоры. По проселочным дорогам больше не передвигались одиночные мотоциклисты вермахта и штабные машины, лишённые охраны. Теперь гитлеровцы перемещались исключительно в составе групп и отрядов численностью от нескольких человек и до взвода. И только в светлое время суток.

Они, конечно, и раньше не любили куда-либо ездить по ночам, отлично понимая, что в темноте можно легко угодить в засаду, устроенную партизанами или советскими разведчиками-диверсантами. Но по необходимости иногда все же это делали. А сейчас всякое движение с наступлением сумерек прекращалось вообще.

Да еще немецкие саперы периодически минировали все новые участки местности, что тоже, естественно, не радовало наших разведчиков...

\* \* \*

Линия фронта в середине мая 1942 года на участке ответственности дивизии, в состав которой входил разведывательный батальон майора Кочергина, из-за пересеченного характера местности не была ровной и сплошной. Реки, болота, овраги и лесные массивы прорезали и наши, и немецкие позиции, создавая лишнюю головную боль командованию с обеих сторон. От стратегически важного шоссе, контролируемого в данном районе частями моторизованного корпуса вермахта, передовые позиции дивизии отделяло менее двух километров.

Чуть больше месяца назад группировка наших войск, состоявшая из нескольких стрелковых и танковых дивизий, предприняла здесь попытку прорыва гитлеровской обороны. Целью наступления являлось соединение частей Красной Армии с крупным партизанским формированием, действовавшим в тылу у немцев и с боями продвигавшимся навстречу регулярным силам. Из-за яростного сопротивления противника тогда этого сделать не удалось. Наши части вынуждены были остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах.

В течение следующих четырех недель в связи с весенней распутицей и разливом рек активные боевые действия практически не велись. И вот советское командование вновь начало готовить наступательную операцию. Для этого в дивизию со дня на день должен был прибыть начальник оперативного отдела штаба фронта. Требовались точные сведения о противнике. Нужен был «язык»...

\* \* \*

– Все, хватит! – громкий голос Кочергина и сильный хлопок вырвали задремавшего лейтенанта Буренкова из сладких объятий Морфея.

Сергей резко открыл глаза и тряхнул головой, прогоняя остатки сна. Обстановка в комнате немного изменилась. Майор стоял у окна и курил, а зеленая тетрадь лежала на подоконнике рядом с ним. Увидев, что лейтенант смотрит в его сторону, Кочергин, не глядя, страхнул с папиросы пепел и вернулся за стол.

– Кури, если хочешь! – Майор подвинул Сергею пачку папирос и коробок спичек.

– Спасибо, Артем Тимофеевич! Не откажусь! – Лейтенант взял папиросу и закурил, выпустив вверх облако сизого едкого дыма. – Кстати, у вас пепел прямо на тетрадку упал, как бы не загорелась!

– Да и хрен с ней! В конце концов, я боевой командир, а не писарь! – с пол-оборота завелся Кочергин, не обратив внимания на шуточный тон Сергея. – Им в штабе отчеты, видишь ли, письменные нужны! Ежедневные! А мне проще к немцам в тыл «сбегать», чем этим бумагомарательством заниматься! Да ты и сам знаешь!

– Знаю, товарищ майор! Но ведь вам теперь по должности вроде как и не положено!

– Положено, не положено! – майор успокоился так же внезапно, как и «вскипел» несколько секунд назад. – Ладно, давай к делу. Мне уже доложили, что ваш ночной поиск в седьмом квадрате закончился безрезультатно, хорошо хоть вернулись без потерь...

– Артем Тимофеевич! – обиженно развел руками Буренков. – Ну, где я вам возьму пленного, если фрицы поголовно засели по своим укрытиям и блиндажам и до утра из них носа не высовывают! А вступать в боестолкновение вы же мне сами и запретили!

– И правильно сделал! А то бы сейчас вместо бестолкового отчета пришлось похоронки писать! Тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо! – Кочергин постучал костяшками пальцев по поверхности стола. – Вон, умники из штаба армии решили провести разведку боем в зоне ответственности соседней с нами дивизии. Вчера после артиллерийской подготовки бросили две стрелковые роты среди бела дня прямо на немецкие пулеметы. Потеряли семнадцать человек убитыми и больше сорока ранеными, а толку никакого! Пленных не взяли, новые огневые точки противника не выявили. Да что говорить, там настоящая мясорубка была! Наши ребята даже до первой линии гитлеровских траншей не добрались!

Майор замолчал, играя желваками на щеках, и вновь постучал костяшками по столу. Буренков машинально отметил, что при этом кисть руки командира двигалась, будто сама по себе, бесконтрольно, что ли, словно она жила своей отдельной жизнью...

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Оба молча курили, каждый погруженный в свои мысли. Наконец Кочергин затушил папиросу и, как и положено старшему по должности и по званию, возобновил прерванный разговор:

– Осторожное поведение немцев косвенно свидетельствует о том, что ими готовится серьезная войсковая операция и они, естественно, не хотят, чтобы мы от захваченного «языка» узнали об их планах и замыслах. В свою очередь нам данная информация, безусловно, необходима. Это раз!

Майор вновь решил закурить, жестом предложив папиросу и Буренкову, но тот отрицательно покачал головой, всем видом показывая, что внимательно слушает командира.

– Ладно, поехали дальше! Не буду курить один! – Кочергин со вздохом убрал незажженную папиросу обратно в пачку и пригладил ладонью короткий ежик седых волос на голове. – Как тебе известно, мы тоже вскоре собираемся наступать. Значит, опять возникает потребность в свежих разведданных. На эту тему мне вчера вечером в штабе дивизии всю плешь проели! В

общем, куда ни кинь, а надо отправляться в «гости» к немцам! Твоя группа лучшая, вам снова и идти. Вот такой загенбахер, Сережа, получается!

– Товарищ, майор! – Лейтенант недоумевающе взглянул на Кочергина. – Ребята вымотались, едва держатся на ногах! Им надо отдохнуть, выспаться, привести себя в порядок, в конце концов! Не мне вам объяснять, что уставший разведчик – это легкая добыча для подготовленного врага!

– Согласен, лейтенант, и не волнуйся! Будет у вас время на передышку! Смотри, сегодня четверг, четырнадцатое число, восемь утра. На задание пойдем в ночь на понедельник. Поэтому возвращаясь к бойцам, примите грамм по сто пятьдесят и все на боковую. Это приказ! А я пока к начальству смотаюсь, побеседую кое с кем. Кстати, Сережа, ходят упорные слухи, что по вновь утвержденным штатам наш батальон станет разведывательной ротой! Попробую сегодня что-нибудь разузнать на эту тему. Заодно и чайку попою, а то мой весь кончился! – Майор скорчил довольную гримасу. – Вопросы есть?

– Так точно! Есть! – Буренков почесал макушку и, прищурившись, внимательно посмотрел в светло-зеленые глаза майора. – Артем Тимофеевич, мне послышалось, или вы сказали «пойдем»?

– Тебе не послышалось, Сережа! Я отправлюсь вместе с вами, а то засиделся уже здесь, зарылся в этой канцелярщине! – Кочергин махнул рукой в сторону зеленой тетради, мирно лежавшей на подоконнике, и широко улыбнулся. – Не переживай, старый конь борозды не испортит!

– Да я буду только рад, но, простите, что повторяюсь, вам же по должности не положено! – удивился Буренков и показал пальцем вверх. – Вас не отпустят!

– А куда они денутся! – развеселился майор. – У меня есть рискованный, но осуществимый план по захвату «языка». И для реализации этой задумки необходим человек, бегло говорящий по-немецки! Извините, товарищ лейтенант, но в нашем разведывательном батальоне есть только один такой индивидуум. Это некто Артем Тимофеевич Кочергин, прошу любить и жаловать!

Майор отвесил шуточный поклон, но сразу посерьезнел и прислушался к донесшемуся снаружи и постепенно усиливающемуся гулу.

– Самолет летит, – произнес Буренков задумчиво, – судя по звуку двигателей, высоко и не быстро.

– Это тактический разведчик «Фокке-Вульф-189», «Рама», – посмотрев на часы, сказал Кочергин и зевнул, – третий день подряд в одно и то же время прилетает, рахит! Покружит недолго, сбросит листовки и убирается восвояси. У фрицев же все по распорядку! Сейчас как раз немецкие артиллеристы завтракают, а, значит, примерно через полчаса начнется обстрел. Так что давай, пока тихо, иди к своим. А я завтра перед ужином загляну к вам, обсудим план будущей операции.

– Слушаюсь, товарищ майор! – Буренков встал со стула, отдал честь и, развернувшись через левое плечо, направился к двери.

– Стой, Сереж! Совсем забыл! – Кочергин быстрым шагом подошел к остановившемуся на пороге лейтенанту. – Нам понадобится пять комплектов немецкой военной формы. Скажи старшине, чтобы подобрал!

– Так Иваныч же в госпитале!

– Был в госпитале! Драпанул вчера оттуда, только его и видели! Уже небось с твоими ребятами лясы точит, страшные истории про злых врачей рассказывает!

– Вот дает, старый! – Буренков весь аж засиял от восторга и нетерпеливо начал переминаясь с ноги на ногу. – Так я побежал, товарищ майор!

– Беги! И передай этому нарушителю больничного режима, чтобы мне нашел офицерский китель и штанишки соответствующие!

– Есть, Артем Тимофеевич! Все сделаем! – крикнул лейтенант, выбегая из комнаты. С улицы донеслись его торопливые удаляющиеся шаги.

Кочергин, улыбаясь, подошел к карте, висевшей на стене. По мере ее изучения выражение лица майора изменилось, и оно приняло серьезный и озабоченный вид.

Дело предстояло чрезвычайно опасное, а его результат во многом зависел от удачи и везения разведчиков.

От партизан поступила информация, что на железнодорожную станцию, находившуюся в тылу у немцев на удалении пятнадцати километров от линии фронта, в воскресенье прибудет специальный эшелон, на котором из Берлина приедет какой-то высокопоставленный армейский чин, чуть ли не начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер. И в понедельник утром в штабном вагоне он проведет совещание с командирами дислоцированных в данном районе гитлеровских частей и подразделений.

По замыслу майора разведгруппа, пользуясь ночной темнотой, должна скрытно пробраться в окрестности транспортного узла и устроить засаду. Нет, не на Гальдера, конечно! Кочергин всегда берег людей, являлся реалистом и не собирался безрассудно рисковать бойцами ради призрачного шанса захватить в плен генерал-полковника, охраняемого в этой поездке не хуже самого Гитлера. План у майора был иным и заключался в следующем.

К станции, где остановится эшелон с большой германской «шишкой», вела только одна более-менее приличная дорога, по которой могли проехать легковые автомобили. Начиная от мест дислокации немецких войск, она шла через небольшие перелески, а на конечном участке протяженностью около двух километров тянулась почти параллельно железнодорожному полотну, отделенная от путей густой порослью молодых деревьев и неглубоким, но длинным, больше похожим на болото, чем на озеро или пруд, водоемом. Слева от дороги простиралось поле, в некотором отдалении плавно переходившее в смешанный лес. За полкилометра до привокзальной площади дорога делала зигзагообразный поворот, оставляя по правой стороне два приземистых кирпичных строения, в которых до войны располагались железнодорожные склады. К этим зданиям, согласно данным аэрофотосъемки, в свою очередь почти вплотную примыкали сильно разросшиеся кусты и деревья, и увидеть со стороны, что происходит за бесхозными постройками, было практически невозможно.

Именно в этом месте разведчики и нанесут свой внезапный удар! Целью акции станет кто-нибудь из офицеров вермахта, вызванных Гальдером на «симпозиум», – так своеобразно назвал организуемое фашистами мероприятие Кочергин.

Как заманить фрицев в приготовленную для них возле заброшенных складов ловушку, майор тоже уже придумал. Здесь он решил сыграть на приверженности немцев к строгой армейской дисциплине и порядку...

А вот дальше начинались в основном одни «но» и «если».

Во-первых, братъ «языка» надо было практически бесшумно, то есть без единого выстрела. Если начнется стрельба, то гитлеровцы в считанные минуты оцепят этот район и операция закончится провалом.

Во-вторых, у майора к самому себе возникало много вопросов, связанных с возвращением разведгруппы в расположение наших войск. Кочергин был опытным командиром и прекрасно знал, что путь домой является порой наиболее опасной частью всей операции. Он долго ломал голову, просчитывая различные варианты, но при любом раскладе перспективы намечались далеко не радужные. В итоге майор решил, что сразу же после захвата пленного группа быстро пересечет поле и скроется в лесу, а дальше как кривая вывезет. Это выглядело чересчур авантюрно, но действовать по-другому в сложившихся условиях не представлялось возможным.

К тому же на уровне подсознания Кочергин чувствовал, что все пройдет, как надо. А чутье майора за последние месяцы еще ни разу не подводило...

– Ничего, прорвемся! – вслух сказал Кочергин, хотя в комнате, кроме него, никого не было, и в очередной раз асинхронно постучал пальцами теперь уже по стене.

Это являлось следствием контузии, полученной майором полгода назад. События того кровавого дня и сейчас стояли у Артема перед глазами...

## Глава 2

...В конце ноября 1941 года на южных подступах к Москве шли ожесточенные бои. Советские дивизии, неся большие потери, уже несколько суток с невероятным трудом сдерживали натиск численно превосходящих сил противника. Людей катастрофически не хватало. Все, кто мог держать в руках оружие, включая штабных писарей и поваров, находились на передовой.

В один из напряженных моментов сражения на самом уязвимом участке нашей обороны гитлеровцы после артиллерийской подготовки и последовавшего за ней авианалета кинули в атаку со стороны деревни Михайловка более восьмидесяти легких и средних танков. Бронированные машины, стреляя на ходу, наступали развернутым фронтом, – тремя волнами, приблизительно по двадцать семь танков в каждой. Следом густыми цепями шли автоматчики.

Несокрушимой, как казалось немцам, мощи вермахта противостояли около семи сотен красноармейцев (все, что осталось от полка!), да переброшенные прошлой ночью им на помощь сто двадцать человек из состава отдельного разведывательного батальона и комендантский взвод. Наши бойцы кроме пистолетов, винтовок, ППШ и ручных пулеметов также имели в своем арсенале одиннадцать противотанковых ружей (ПТР) системы Дегтярева, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. И все! Больше защищать рубеж было нечем. Два последних 45-миллиметровых орудия разбомбили накануне немецкие пикировщики...

...Танки со свастикой на броне неумолимо приближались. Но пока до них оставалось еще более километра. Капитан Артем Кочергин опустил бинокль, присел на пустой ящик из-под патронов, валявшийся на дне траншеи, достал из пачки последнюю папиросу и закурил под аккомпанемент взрывающихся вокруг снарядов.

– Как дела? – разглядывая приготовленную связку трофейных немецких гранат «М-24», обратился Артем к годившемуся ему в сыновья незнакомому младшему лейтенанту, расположившемуся неподалеку.

– Нормально! – бодро ответил тот с присущим молодости оптимизмом. – Жить можно!

– Только не долго! – саркастически произнес Кочергин, но его слова потонули в грохоте близкого разрыва.

Обоих обдало проникшей в траншею, но уже ослабленной взрывной волной, а по спинам застучали комья земли вперемешку со снегом.

– Чтоб тебя, все за шиворот попало, попробуй теперь вытряси! – беззлобно выругался младший лейтенант и почему-то виновато улыбнулся. – Еще и уши заложило, зараза!

Кочергин ободряюще и немного снисходительно улыбнулся в ответ – он успел вовремя пригнуться, так что даже папироса в его руке не потухла!

– Товарищ капитан! – рядом с Артемом внезапно, словно из ниоткуда, выросла приземистая фигура красноармейца с перепачканным грязью лицом. – Майор Седов ранен! Вас срочно к себе вызывает! Его в соседний блиндаж отнесли!

– Иду! – откликнулся Кочергин, встал с ящика, положил на его крышку связку гранат и кивнул младшему лейтенанту: – Пусть полежат здесь до моего возвращения.

Тот неопределенно качнул головой в ответ.

Повесив на плечо ППШ, Артем сделал быструю затяжку и уже собрался выкинуть недокурную папиросу, но молодой голос остановил характерное движение его руки.

– Разрешите, я добыю, товарищ капитан! – младший лейтенант стоял рядом, выпрямившись в полный рост, и смущенно улыбался.

– Держи! – протянул папиросу Кочергин. – И пригнись, а то башку отстрелят!

– Спасибо! – младший лейтенант быстро присел на корточки и глубоко затянулся.

Было непонятно, за что он благодарил Артема, – за курево или за предупреждение.

– На здоровье! – на ходу буркнул Кочергин и скрылся вслед за бойцом за выступом траншеи.

Через пару минут Артем достиг блиндажа, где развернули походный лазарет, и по вырубленным в земле ступенькам спустился вниз. Все внутреннее пространство импровизированного госпиталя было забито ранеными. Некоторые громко стонали, другие лежали молча и лишь тяжело дышали. Один сержант с перебинтованными ногами громко матерился, требуя дать ему винтовку и отнести наверх, в траншею. В воздухе стоял устойчивый запах медикаментов, перевязочного материала и человеческой крови.

– Как там дела, товарищ капитан? – увидев Кочергина, взволнованным голосом спросил внезапно переставший ругаться сержант и указал глазами на выход из блиндажа.

Остальные раненые, находившиеся в сознании, разом повернули головы в сторону Артема и замерли в тревожном ожидании.

– Все как обычно, ребята! Стреляют! – громко ответил Кочергин и широко улыбнулся. – Сейчас мы фрицам парочку пилюль пропишем, и они успокоятся!

Кто-то из раненых засмеялся, другие подхватили, напряжение, охватившее людей, исчезло.

Только сейчас Артем заметил в дальнем углу блиндажа сутулую фигуру в белом халате и очень осторожно, чтобы никого случайно не задеть, стал продвигаться в этом направлении.

Человек в белом обернулся, прищурился, видимо разглядывая командирские знаки различия Кочергина, и поманил того рукой:

– Идите сюда, товарищ капитан!

При ближайшем рассмотрении сутулый доктор оказался худощавым молодым человеком с грустным взглядом. На земляном полу рядом с врачом стояли носилки, на которых с закрытыми глазами лежал мужчина средних лет крепкого телосложения с невыразительным лицом. Его грудь была плотно обмотана бинтами. Под правой ключицей на белом фоне отчетливо выделялось проступившее через повязку красное пятно.

– Военврач 3-го ранга Лариков! – представился медик. – А вы, как я понимаю, капитан Кочергин?

– Так точно! – ответил Артем.

– Товарищ майор, – наклонился к лежащему на носилках раненому Лариков, – капитан Кочергин здесь.

Раненый открыл глаза и с трудом сфокусировал взгляд на Артеме.

– Принимай командование, капитан, – прошептал Седов, – и запомни: танки пройти не должны! Их надо остановить любой ценой!

– Остановим, Андрей Глебович! – заверил майора Кочергин. – Все будет хорошо!

Он впервые увидел Седова только минувшей ночью, когда докладывал тому о прибытии отряда разведчиков, но имя и отчество майора почему-то запомнил сразу.

– Вот и славненько, – совсем не к месту тихо произнес майор и протянул Артему небольшой по размеру плоский металлический предмет округлой формы. – Возьми, будет тебе как талисман. Только не показывай никому!

– Что это, товарищ майор? – Кочергин покрутил двумя пальцами потускневший от времени кружок, на разных сторонах которого были выбиты цифры 1927 и 10.

– Немецкая монета, десять пфеннигов называется, еще до Гитлера выпущена. Я ее из Германии привез! – тут Седов осекся и глухо прокашлялся. – Доктор говорит, что мне такая же жизнь спасла.

– Это правда, – подтвердил Лариков и показал Артему похожий кружочек, только с глубокой вмятиной посередине. – Обе эти монеты лежали у товарища майора в левом нагрудном кармане прямо напротив сердца, и одна задержала осколок.

– Иначе бы мне крышка! – попытался усмехнуться Седов, но тут же поморщился от боли и прикрыл глаза.

– Все, закончили! – решительным тоном сказал военврач и подтолкнул Артема к выходу. – Раненому нужен покой!

Артем хотел попрощаться с Седовым, но тот, вконец обессилив, лежал без движения и только хрипло дышал. Кочергин убрал подаренную майором монету в карман и направился к выходу.

После царившего в блиндаже полумрака яркий солнечный свет резал глаза. Даже на искрящийся снег было больно, но как же приятно смотреть!

«Мороз и солнце, день чудесный...» – вспомнил Артем строку из стихотворения великого поэта и на мгновение забыл о войне, но грохот нескольких разорвавшихся неподалеку снарядов тут же вернул его к суровой действительности.

Возле блиндажа появились несколько младших командиров. Видимо, узнав о ранении Седова, они решили получить от него соответствующие указания по поводу дальнейших действий.

Кочергин жестом остановил их и, сообщив о состоянии здоровья майора, перешел к делу, быстро поставив перед каждым четкую и конкретную боевую задачу. Все «совещание» заняло чуть больше минуты. Командиры направились по своим подразделениям, Артем же, подозвав двух красноармейцев, отправил их по траншее в разные стороны передать по цепочке приказ: «Всем держаться, ни шагу назад! Кто побежит – расстрел на месте!»

А сам быстрым шагом двинулся туда, где оставил свои гранаты, по дороге успокаивая и подбадривая солдат.

Между тем первая волна немецких танков уже приблизилась на расстояние трехсот метров от наших позиций и попала в зону наиболее действительного огня расчетов противотанковых ружей. Артем с удовлетворением отметил, что майор Седов грамотно расположил бойцов-бронбойщиков таким образом, что танки, маневрируя, с целью уйти из сектора обстрела одного расчета, обязательно попадали под огонь другого. Причем самыми уязвимыми местами – бортами или кормой.

Остановившись на полпути, Кочергин приподнялся над бруствером, приложил бинокль к глазам и осмотрел поле битвы. То тут, то там со стороны наших позиций над землей поднимались небольшие облака снежной пыли, неизменно сопровождавшие каждый выстрел из противотанкового ружья.

Рядом с Артемом из вынесенной вперед ячейки вел огонь по противнику расчет бронбойщиков. И довольно успешно! Два подбитых танка со свастикой замерли на заснеженном поле. Третий пытался уйти с линии поражения и как раз подставил под выстрел свой слабо защищенный борт. Но бойцы медлили и почему-то огонь не открывали. Ефрейтор-наводчик, словно каменная статуя, недвижимо застыл, прижавшись щекой к специальному упору на прикладе противотанкового ружья. Лишь его согнутый указательный палец, лежащий на спусковом крючке, слегка дрожал. Второй красноармеец с тревогой смотрел на товарища, видимо, порываясь что-то сказать, но молчал. Томительные мгновения ожидания, казалось, превратились в вечность. Тем временем танк, объехав воронку от снаряда, уже начал разворачиваться в сторону траншеи.

– Стреляй, пехота, не спи! – крикнул Артем, в сердцах стукнув биноклем себе по бедру.

И, словно отвечая Кочергину, вокруг дульного тормоза ПТР выросло белое невесомое облачко. Краем глаза Артем заметил, что одновременно по танку выстрелили еще и откуда-то справа. Прошло несколько тягостных секунд, и немецкий танк вдруг остановился. Из его кормовой части вырвались оранжевые языки пламени.

– Есть! – торжествующе заорал ефрейтор-наводчик, поворачиваясь к Артему. – Горит, собака! Сейчас мы гадам...

Мощный взрыв потряс траншею. В эту кратчайшую долю секунды Кочергину показалось, будто гигантский кулак с чудовищной силой ударил его в грудь. Артема резко швырнуло назад, он врезался спиной в земляную стенку траншеи, издав при этом глухой утробный звук, и провалился в темноту...

Сколько времени он находился в беспомощности, Кочергин не знал. Возвращение из небытия было постепенным. Когда первые признаки сознания проникли в его мозг, Артем, открыв глаза, но еще не вспомнив, что произошло, с каким-то «мутным» и замедленным испугом обнаружил себя лежащим на спине в глубокой, как ему показалось, канаве. Жуткая звенящая боль распирала голову. К горлу подступали тошнота и рвота.

Почти не чувствуя рук и ног, Кочергин попытался подняться, но это удалось ему не сразу. Лишь с трудом перевернув на живот свое казавшееся свинцовым тело, Артем медленно встал на четвереньки, а потом на колени. Простейшие на первый взгляд движения отозвались в мозгу капитана яростными прострелами, будто некто там внутри его черепа безумно застучал несколькими молотками одновременно, стремясь вырваться наружу. Кочергин открыл рот и сдавил голову руками, пытаясь унять эту адскую свистопляску. Вроде слегка полегчало...

Кто-то сильно потрянул Артема за плечо. Он повернул голову и увидел молодого бойца, чумазое лицо которого показалось Кочергину знакомым. Красноармеец, судя по безостановочным движениям губ и активной жестикуляции, что-то настойчиво говорил ему, Артему.

Сначала до капитана доносились только приглушенные неясные звуки. А он в ответ лишь хлопал глазами и мотал головой. Но вскоре Артем разобрал несколько слов и даже короткое, хотя и не совсем правильное с точки зрения нормального русского языка, предложение, произнесенное красноармейцем в самом конце его монолога особенно эмоционально.

– Я уже думал вам андец, товарищ капитан! – хрипло сказал боец и почему-то засмеялся.

«Хороший знак! – обрадовался Кочергин. – У меня контузия, факт, но я слышу и понимаю этого чумазого весельчака! И боль немного утихла. Авось обойдется!»

– Дай закурить, пехота, – слегка заторможенным голосом, но более-менее разборчиво произнес Артем и, опершись на протянутую красноармейцем руку, встал.

– Не курю я! – ответил боец, передавая Артему бинокль. – Это ваш, товарищ капитан! Возле сапога лежал!

– Какого сапога? – не понял Кочергин и взглянул на свои ноги, мысленно отметив, что речь, похоже, тоже постепенно восстанавливается.

– Да вон же валяется! – ткнул рукой себе за спину красноармеец.

Только сейчас, увидев в нескольких метрах от себя на дне траншеи кроваво-грязный солдатский сапог, Артем вспомнил, что произошло. Он подошел к тому месту, где располагались бронебойщики, и в полузасыпанной ячейке обнаружил изувеченные взрывом человеческие останки. Это было все, что осталось от двух еще совсем недавно живых и здоровых людей! На бруствере своеобразным памятником погибшим, задрал ствол в небо, одиноко застыло противотанковое ружье.

Но скорбеть капитану было некогда – фашисты, потеряв половину машин из первой линии атаки и перегруппировавшись, теперь сосредоточили свой удар на правом фланге советской обороны. А освободившийся участок фронта постепенно заполняли танки, двигавшиеся следом во второй и третьей волнах. Короткое затишье сменилось звуками вновь разгорающегося сражения. Что касается вражеской пехоты, то, остановленная плотным заградительным огнем красноармейцев, она так и осталась позади гитлеровских танковых порядков и активных действий пока не предпринимала, видимо, чего-то выжидая.

– Иди сюда! – позвал бойца Кочергин, бегло осмотрев противотанковое ружье и убедившись в его исправности. – Помоги перенести ПТР и патроны не забудь! Кстати, тебя как зовут?

– Петр Каминский, – отозвался солдат, поднял с земли брезентовую сумку и, заглянув внутрь, пересчитал ее содержимое. – Двадцать патронов, товарищ капитан!

– Отлично, Петя! – сказал капитан, показывая бойцу жестом в сторону ружейного приклада. – Раз, два, взяли!

Вдвоем они достаточно быстро, насколько это вообще возможно при перемещении в полусогнутом положении по скользко-грязному и неровному дну траншеи, переступая через убитых и огибая раненых, да еще и под огнем противника, перетащили двухметровое семнадцатикилограммовое ружье на правый край наших позиций. И вовремя! Танки со свастикой завершали обходной маневр и были уже совсем близко, метров сто – не больше!

Установив ПТР на сошки между торчащими из снега кустами, Кочергин, взявшись за рукоятку, отвел затвор назад до отказа, глубоко вздохнул и, повернув голову, негромко произнес:

– Хорошая у нас позиция, Петя, заряжай!

Тот не заставил себя ждать и быстро вложил 14,5-миллиметровый патрон в патронник.

Закрыв затвор, Артем навел ружье на ближайший танк, целясь в крест на его борту, и выстрелил. Мимо! Поглядев в чем дело, Кочергин понял, что от взрыва или при переноске сбился целик.

– Патрон! – скомандовал Артем, корректируя прицел.

– Уже! – лаконично откликнулся Каминский.

Невдалеке разорвалось несколько снарядов. Впрочем, пронесшиеся над траншеей осколки не нанесли никому какого-либо урона.

Кочергин снова нажал на спусковой крючок, с удовлетворением отметив, что на этот раз он попал! Но танк как ни в чем не бывало продолжал двигаться вперед, стреляя из пулемета по укрывшимся в траншее красноармейцам. И словно нарочно подставлял под огонь новоиспеченного расчета противотанкового ружья борт и корму.

– Живучий, твою мать! – процедил сквозь зубы Артем, целясь в моторный отсек. – Получай!

Звука выстрела за грохотом боя он не расслышал, но черный дым, повалившийся из двигателя, говорил сам за себя. Танк проехал еще с десятков метров и, будто уткнувшись в невидимую стену, замер.

Распахнулись люки, и немецкий экипаж стал выбираться наружу. Каминский дал по ним длинную очередь из ППШ. Двое танкистов упали. Остальные бросились ничком на снег и поползли к своим, плохо различимые за густыми клубами стелющегося над землей дыма. Вторая автоматная очередь, выпущенная Петром вдогонку, не причинила им вреда.

– Хорош палить, заряжай! – толкнул его в бок Артем. – Видишь, еще один ганс едет в гости!

Из-за подбитого танка на половину корпуса выдвинулся силуэт другой машины с выведенными на башне яркой белой краской цифрами 738. Кочергин, с шумом выдохнув воздух из легких, потянул спусковой крючок и, почувствовав, что бронебойно-зажигательная пуля ушла в цель, сразу дернул рукоятку затвора на себя. Петр тут же сноровисто вставил новый патрон. Следующий выстрел снова попал в цель. Танк остановился.

– Отъездился, фашист! – повернувшись к Каминскому, весело сказал Артем и хлопнул его ладонью по спине.

– Не совсем, – прошептал боец, показывая рукой вперед.

Кочергин взглядом проследил за его жестом и остолбенел. Башня «уничтоженного» танка неторопливо повернулась влево на девяносто градусов и замерла. Неширокое, диаметром всего лишь со спичечный коробок, дуло 50-миллиметровой пушки медленно опустилось вниз и уставилось своим черным, похожим на пустой глаз смерти, срезом прямо в лицо Артема. По крайней мере, именно такие ассоциации промелькнули в мозгу Кочергина в этот критический момент.

– Уходим, товарищ капитан! – крикнул Петр, разряжая остатки магазина ППШ в броню «семьсот тридцать восьмого».

– Поздно, ложись! – Кочергин резко толкнул бойца на землю, а сам повалился на него сверху.

Раздавшийся в ту же секунду выстрел из танковой пушки из-за ничтожно малого расстояния слился с грохотом разрыва, поднявшего вверх бесчисленные комья земли в нескольких метрах позади тыльного бруствера траншеи. Немец промазал практически в упор!

– Вставай, пехота! – потормошил Артем своего заряжающего, а когда тот поднял голову, спросил: – Патроны где?

– Вот, – поднимаясь на ноги, произнес Каминский и показал Артему брезентовую сумку, прижатую к животу.

– Тогда заряжай! Только голову не высовывай, чтобы немец не увидел!

– Есть!

Каминский осторожно зарядил ПТР и отодвинулся, освобождая место для Кочергина. Тот быстро прицелился в башню танка, приблизительно туда, где должен располагаться наводчик, и нажал на курок. Прошла секунда, другая, и еще... Артем, не отрываясь, будто находясь под воздействием гипноза, смотрел на танк. И капитану казалось, что танк тоже «смотрит» на него! Глаза в глаза!

– Чушь собачья, – прошептал Артем, приложив ладони к резко налившимся болью вискам. – Так не бывает...

– Чего не бывает, товарищ капитан? – недоумевающе спросил Каминский, приподнявшись над бруствером.

Артем не ответил. Он не мог оторвать взгляда от проклятого танка, а его голова вся теперь словно пылала изнутри. Сквозь эту рвущуюся наружу боль в мозг проник сильный тревожный гул, а перед глазами мутными видениями промелькнули объятые пламенем скрюченные человеческие фигуры.

Еще мгновение, и из распахнувшихся под сильнейшим внутренним давлением люков злополучного танка в атмосферу с воем вырвались мощные языки пламени и клубы дыма. А вместе с ними ушли головная боль и странное оцепенение, так внезапно сковавшее все естество капитана Кочергина.

Тряхнув головой, он повернулся к стоящему рядом с удивленным лицом Каминскому и бодрым голосом сказал:

– А теперь, Петя, хватаем ружьишко и быстренько меняем дислокацию!

Выбравшись на бруствер, капитан с бойцом подняли ПТР, согнувшись, короткими перебежками пересекли пространство между траншеей и подбитыми ими двумя немецкими танками, и укрылись в небольшой ложбинке, находившейся как раз рядом с застывшими бронированными машинами. Отсюда и без бинокля открывался хороший обзор на всю текущую картину боя. И пока Каминский, матерясь вполголоса, на неровной скользкой поверхности устанавливал ружье, Артем напряженным взглядом следил за происходящими вокруг событиями.

Гитлеровские танки, несмотря на приличные потери, уже по всему фронту почти вплотную подошли к нашим позициям. И теперь в последней отчаянной попытке их остановить навстречу врагу и своей почти неминуемой гибели выдвинулись вооруженные гранатами и бутылками с горючей смесью истребители танков. Несколько десятков бойцов, вжимаясь в снег, ползли по полю, стараясь оказаться в мертвой зоне для стрелков вражеских экипажей. Но танков было много, двигались они достаточно плотно, и курсовые пулеметы «MG-34» держали под перекрестным огнем практически каждый квадратный метр земной поверхности.

– Их всех убьют, – прошептал Артем, вытирая ладонью внезапно покрывшийся холодной испариной лоб, – они уже мертвые.

Действительно, большинство красноармейцев просто не успевали подобраться к немецким танкам на расстояние броска гранаты. Их тела, прошитые пулями, в нелепых позах застыли на потемневшем от копоти и крови снегу. Но некоторым смельчакам это все же удалось. И еще около десятка фашистских танков навсегда завершили свой крестовый поход на Восток. Выстрелы, крики, разрывы снарядов, лязг гусениц и рокот моторов – все смешалось в адском представлении...

– Пора за дело, товарищ капитан! – хриплый голос Петра оторвал Кочергина от пассивно-тягостного созерцания этого акта кровавой драмы. – Агрегат к бою готов!

Перевернувшись на живот, Артем протер плечевой упор приклада и приготовился к стрельбе. Совсем рядом, буквально в какой-то сотне метров, на самый край нашего правого фланга обороны надвигались пять еще оставшихся на ходу танков. Все остальные на данном конкретном участке местности были уже подбиты или уничтожены.

– Смотри, Петр! – назидательным тоном произнес капитан. – Перед нами цель групповая, смешанная. Три средних танка «Т-III» и два легких «Т-II». Идут кучно. Стреляй, не хочу!

Он нажал на курок и после выстрела начал перезаряжать ружье. Каминский молниеносно засунул очередной патрон. Опять раздался выстрел. Затем еще два...

– Попали, товарищ капитан! – радостно закричал Петр. – Горит, поганец!

– Тише, Петя! Я чуть не оглох! – улыбнулся Кочергин. – Сколько патронов осталось?

– Десять!

– Тогда продолжим наш танец с саблями!

За следующие полторы минуты, действуя четко и слаженно, они подожгли еще два танка.

«Удача на нашей стороне! – промелькнула в мозгу Артема предательская мысль. – Три-четыре выстрела – и танков больше нет!»

Он автоматически потянул за спусковой крючок, но ни выстрела, ни отдачи не случилось.

– Петр, где ты ходишь? Заряжай! – оторвавшись от прицела, сказал Артем.

– Нечем! – развел руками боец, показывая перевернутую вверх дном пустую брезентовую сумку. – Финита ля комедия!

– Плохо, Петя! Пистолетом и автоматом мы вряд ли остановим вон тех фрицев! – Артем взглядом указал Каминскому на два легких танка, с ревом развернувшихся в их сторону.

– Да, товарищ капитан, два, это многовато, – что-то высчитывая, задумчиво ответил боец. Танки приближались. Один чуть спереди, другой сзади и левее.

Внезапно из траншеи выскочил боец, фигура которого показалась Кочергину знакомой, и, не скрываясь, в полный рост, бросился наперерез второму танку. Быстро преодолев отделявшее их расстояние, он на ходу забрался на крышу моторного отделения и попытался с помощью саперной лопатки вскрыть двустворчатый люк доступа к двигателю. Когда это ему удалось, храбрец зачем-то почесал голову за правым ухом, достал из-за пазухи связку гранат и в буквальном смысле запихнул ее в открытый люк. Затем, проведя руками там внутри какие-то манипуляции, он резво спрыгнул на землю и отбежал в сторону, укрывшись за невысоким бугорком.

– Это же младший лейтенант, ну, тот, что папиросу у меня стрельнул! Вот дает парень! – восхищенно крикнул Артем, толкая Каминского в плечо. – Смотри, сейчас рванет!

Тотчас мощный взрыв потряс корпус гитлеровского танка, и он остановился, объятый клубами черного дыма.

– Теперь и мне пора, – прошептал Каминский, резко выдернул тело из ложбинки и сноровисто пополз навстречу «своему» танку.

– Стой! Назад! – Артем попытался схватить Петра за ногу, но вместо этого упал лицом в снег и зашелся в приступе кашля, поперхнувшись холодным воздухом.

Тем временем Каминский, укрываясь за холмиками и редко растущими деревьями, отполз метров на двадцать от капитана и, достав противотанковую гранату, спрятался за сло-

манной взрывом березой. Он ждал, когда немец окажется достаточно близко для точного броска.

Танк, не сбавляя скорости и разбрасывая гусеницами комья земли и снега, бодро сокращал дистанцию. Неожиданно на полном ходу открылся башенный люк, из него практически по пояс высунулся одетый в черную форменную куртку гитлеровский офицер и, по закону подлости, сразу же встретился взглядом с Петром. Тот протянул руку в поисках ППШ, но тщетно – автомат остался на прежней позиции.

Между тем фашист прокричал несколько слов по-немецки, очевидно, обращаясь к кому-то внутри танка, и, нахмутив белесые брови, погрозил Каминскому кулаком. А через мгновение гитлеровец уже навел на Петра пистолет-пулемет «MP-40», неизвестно как оказавшийся в его руках. Танк, замедлив ход, остановился. До него оставалось еще метров двадцать.

– Далековато, – прошептал Каминский, сжимая вспотевшей ладонью рукоятку гранаты.

– Сдавайся, большевик! – с противным акцентом на ломаном русском произнес фашист и повел автоматным стволом немного в сторону и вверх. – Поднимай руки, красный боров!

– Сам ты боров! – огрызнулся Петр в ответ, с трудом напрягая внезапно ставшие ватными ноги. – А я злой дикий бабуин!

Все-таки не очень приятно почти безоружному человеку находиться под прицелом и осознавать, что твоя жизнь висит на тоненьком волоске! Понимая, что шансов почти нет, Петр, неся околесицу и заговаривая немцу зубы, решил, однако, рискнуть и коротким рывком преодолеть несколько метров по открытому полю, а затем уже бросить гранату наверняка в гусеницу или в корму танка. И звезды были сегодня на его стороне!

– Что есть ба-бу-ин? – удивился фашист, произнося по слогам непонятное слово.

И тут же с воплем и грохотом исчез во внутренностях танка, спасаясь от града пуль, выпущенных Артемом из автомата Каминского.

– Давай! – самому себе крикнул Петр и ринулся вперед.

Слабость в ногах исчезла, наоборот, Каминский почувствовал себя многожильным кентавром. Он в два прыжка покрыл «лишние» метры и расчетливо метнул гранату, целясь в моторный отсек.

Упав на землю, Петр закрыл голову руками и вовремя! Мощный взрыв противотанковой гранаты разметал в разные стороны куски брони и металла. Танк вспыхнул как пионерский костер! Экипажу выбраться из горящей машины не удалось...

– А ты говоришь, красный боров, – поднимаясь на ноги, произнес Каминский, отряхнулся и быстрым шагом направился в сторону, где на фоне относительно белого снега темным пятном выделялась монументальная фигура капитана Кочергина.

Петр ожидал похвалы или еще чего-то подобного, но вместо поздравлений Кочергин обрушился на него с гневной тирадой.

– Ты куда полез, сынок? И почему без приказа?! – с каждым новым словом капитан распался все больше. – С одной гранатой на танк! Жить надоело? А если осечка, или немец бы попался не такой тормознутый, что тогда? Валялся бы ты сейчас под березкой дырявый, как решето!

– Товарищ капитан, – возразил Петр с безупречной, как ему казалось, логикой, – но кто же должен был остановить этот танк! А кроме нас с вами, никого не было. Вы – командир, должны руководить, да и граната имелась только у меня.

– Он прав, товарищ капитан! Другого варианта не было! Кстати, спасибо за гранаты! – неожиданно раздавшийся за спиной Артема голос заставил его вздрогнуть и резко обернуться.

Рядом стоял улыбающийся младший лейтенант – это ему Артем оставил «на хранение» связку трофейных гранат.

– А ты не улыбайся, лейтенант, младший еще! – то ли пошутил, то ли всерьез сказал Кочергин. – И не защищай этого чумазого бабуина!

После таких слов все трое весело рассмеялись. И громче всех хохотал суровый капитан Кочергин...

Когда короткое веселье закончилось, троица направилась назад в траншею. Петр с младшим лейтенантом несли теперь уже бесполезное ввиду отсутствия боекомплекта противотанковое ружье. Позади с ППШ в руках прикрывал отход ребят Артем. Но в спину им пока никто не стрелял. Похоже, опять наступило временное затишье.

Танки вермахта, оставив на поле боя около пятидесяти машин, так и не смогли прорвать нашу оборону и вместе с пехотой откатились на полкилометра назад. Фашисты ошутимо получили по зубам, но Кочергин понимал, что еще одной атаки красноармейцам не отбить. Воспользовавшись передышкой, он приказал оказать помощь раненым и сосчитать убитых. Только безвозвратные потери пехотинцев составили почти триста человек, плюс погибли двенадцать разведчиков. Что касается комендантского взвода, то из всего личного состава этого подразделения в живых не осталось никого...

Боеприпасы тоже оказались на исходе. Гранат у бойцов почти уже не было, а заряжать противотанковые ружья стало просто нечем – закончились патроны.

«Что делать? – размышлял Кочергин, наблюдая за фашистскими танками, маневрирующими поодаль. – ПТР против них теперь также бесполезны, как березовые дубины или саперные лопатки. Можно, конечно, броситься в штыковую атаку и всем геройски погибнуть, но это глупо и бессмысленно. Да и кто дал мне право понапрасну жертвовать людьми! Видно, крепко меня контузило, раз ничего путного в голову не лезет! Надо перекурить, хотя и это не поможет».

Артем стал рыться в поисках папирос, но в карманах было пусто.

– И здесь непруха! – в сердцах произнес Кочергин и наткнулся взглядом на радостные лица даже внешне очень между собой похожих красноармейца Каминского и младшего лейтенанта, имени которого Артем до сих пор не знал. – Не понял, юноши, я разве что-то смешное сказал?

– Танки, товарищ капитан! – вместо ответа восторженно крикнул Петр, показывая рукой в направлении березовой рощи, раскинувшейся в двух километрах позади советских позиций. – Наши танки!

Не веря своим ушам, Кочергин быстро приложил бинокль к глазам, и словно тяжеленный камень упал с его души – из леса на оперативный простор, сменяя редкий кустарник и молодые деревца, вырвались около сотни новеньких, только сошедших с конвейера, «тридцатьчетверок». Развернувшись широким фронтом, стальная краснозвездная лавина стремительно неслась подобно океанскому цунами, которое никто и ничто уже не в силах остановить. Гитлеровцы, явно не ожидавшие такого поворота, начали беспорядочное отступление, больше похожее на паническое бегство.

– Ну вот, кажется, и все, – прошептал Артем и грустно улыбнулся молодым ребятам одними уголками губ, – мы выстояли, парни, но какой ценой!

– Это война, товарищ капитан, – негромко сказал младший лейтенант и по-мальчишески шмыгнул носом, – а войны без потерь не бывает. Просто сегодня нам повезло больше, чем другим. Хотя еще не вечер...

– А ты, я гляжу, философ! – слегка удивленным голосом произнес Кочергин. – Твоя фамилия часом не Спиноза?

– Никак нет, товарищ капитан! Моя фамилия Буренков, младший лейтенант Сергей Буренков!

– Вот и славненько! – сказал Артем, вспомнив мимоходом, что именно эти слова и также совсем не в тему часом ранее произнес в разговоре с ним майор Седов. – А забери-ка я вас, ребята, к себе, в разведку! Согласны?

– Конечно! – залихватски ответил за обоих Буренков.

– Но с одним условием, товарищ капитан, – добавил Каминский и ухмыльнулся, – вы не будете называть меня чумазым бабуином!..

## Глава 3

...Громкий собачий лай вывел Артема из ступора, прервав череду не очень веселых воспоминаний. В комнату, радостно виляя закрученным кверху хвостом, вбежала средних размеров черно-серая дворняга с большими наполовину висячими ушами.

Еще щенком ее зимой в лютый мороз подобрал в одной из освобожденных деревень старшина Павел Ермишин, он же Иваныч, и, недолго думая, подарил ему, майору Кочергину. Как выразился старшина – «на новый год», хотя на дворе тогда уже стояла середина января. Артем, обратив внимание на пол животного, назвал щенка звучным именем Гертруда, а сокращенно Герта, и с тех пор собака стала любимицей всего батальона, внося своим внезапным появлением в самых неожиданных местах некоторое разнообразие в суровую фронтную жизнь разведчиков. Но хозяйном она признавала только одного Артема и каждую ночь ложилась спать на кровати у него в ногах.

– Иди сюда, моя умница! – воскликнул Кочергин, жестом подзывая Герту к себе.

Та, стуча когтями по деревянному полу, подбежала к майору, преданно глядя ему в глаза. Погладив собаку, Артем подошел к столу и выдвинул правый верхний ящик. В нем лежали пачка папирос, коробка с пистолетными патронами, алюминиевая кружка, ложка и два куска сахара. Герта, вплотную следовавшая за Артемом, встала на задние лапы и тоже заглянула внутрь ящика, с деловым видом обнюхивая его содержимое.

– Гертруда, ты, наверное, сладенького хочешь? – наклонившись к животному, вкрадчивым голосом произнес Кочергин.

Собака повернула свою вытянутую мордашку и лизнула Артема теплым гладким языком прямо в нос, словно говоря, – хватит болтать, давай сахар!

Майор положил белый кубик на ладонь и протянул собаке, которая тут же наклонила голову и быстрым движением схватила лакомство зубами.

– Только на койке не ешь! – предупредил Артем, снимая висящий на стене ППШ и направляясь к выходу.

Он всегда, даже перемещаясь вдали от передовой, брал автомат с собой, понимая, что тыл – это понятие относительное и на войне случается всякое.

Подойдя к двери, Артем услышал негромкий звук мягкого прыжка и оглянулся. Герта, не выпуская сахар изо рта, удобно расположилась на застеленной одеялом кровати и, очевидно, приготовилась к приему пищи.

– Гертруда Артемовна! Ты – малолетняя проказница! – улыбаясь, сказал Кочергин и, откашлявшись, добавил: – Остаешься на хозяйстве, а я на пару часиков отлучусь!

Выйдя на крыльцо, Артем кивнул прохаживающемуся взад-вперед с винтовкой за плечами часовому-красноармейцу и, сбежав по ступенькам, направился к своему командирскому автомобилю марки «Бантам». Забравшись внутрь и положив ППШ на соседнее сиденье, Кочергин завел двигатель и, тронув машину с места, поехал, как он сам недавно выразился в разговоре с Сергеем Буренковым, «чайку попить»...

\* \* \*

...Дни отдыха, предоставленные майором Кочергиным бойцам лейтенанта Буренкова, пролетели быстро, и неотвратимо наступил тот самый воскресный вечер, когда разведывательной группе надлежало отправиться в немецкий тыл за «языком».

Около двадцати одного часа в опускающихся на землю сумерках пятерка разведчиков, переодетых в форму военнослужащих вермахта, по извилистым ходам сообщения достигла передовой линии советских траншей.

– Перекур, ребята, будем ждать возвращения саперов и полной темноты! – объявил Кочергин, кратко переговорив со встретившим их капитаном-пехотинцем, и критическим взглядом окинул своих подчиненных, в который уже раз пытаюсь найти какие-нибудь несоответствия.

Внешне все выглядело очень даже неплохо. Взятые бойцами на задание пистолеты-пулеметы «МР-40», винтовка системы Маузера «Kar. 98 к» со снайперским прицелом и гранаты с длинной ручкой, – все это совпадало с вооружением гитлеровских солдат. Старшина в целом также не подвел, раздобыв в своих закромах немецкое обмундирование практически нужных размеров.

Артема немного смущали только две вещи – густые пышные усы Павла Ивановича Ермишина, вкупе с хитрой крестьянской физиономией моментально выдававшие неарийское происхождение их обладателя, и чрезвычайно узкий полевой китель майора вермахта, в который облачился сам Кочергин. Причем, если лицо старшины еще можно было отчасти скрыть, надвинув пилотку на глаза, то застегнутый на все пуговицы офицерский китель так и норовил разойтись по швам при малейшем резком движении. Поэтому для нормального «функционирования» Артему пришлось расстегнуть сверху половину пуговиц, что придало ему совершенно неуставной облик распоясавшегося гуляки. Впрочем, по мнению Кочергина, данная несуразность не должна была серьезно помешать осуществлению разработанного им плана.

Количественный и качественный составы группы он также считал оптимальными. Боевые навыки и жизненный опыт, коими в избытке обладали сорокалетние майор Кочергин и старшина Ермишин, в сочетании с энергией и задором молодых разведчиков прекрасно дополняли друг друга. Кроме того, тот же Петр Каминский был одним из лучших радистов во всей дивизии и отменным водителем. А вчерашний студент-первокурсник Альберт Бодарев, только в апреле зачисленный в разведывательный батальон, не знал себе равных в стрельбе из снайперской винтовки. Что касается лейтенанта Буренкова, прекрасно владевшего приемами самбо и метавшего ножи точно в цель даже с завязанными глазами, то ему Кочергин доверял, как самому себе...

Прошло около получаса, когда со стороны ничейной полосы, наконец, появились саперы. Они должны были незаметно для противника расчистить проход в минных заграждениях.

– Готово, товарищ майор, путь свободен! – скатившись в траншею, произнес старший саперной группы, возбужденно блестя глазами и тяжело дыша. – Местность здесь открытая, поэтому отсюда строго на животе ползком доберетесь до оврага, а там по дну можно уже и пешочком. Мы все проверили – мин на маршруте нет! Кстати, дальше этот овраг переходит в заросший кустами и окруженный со всех сторон болотами неглубокий извилистый ручей. Вот, а по его руслу можно незаметно прямо к фрицам в гости попасть! Только торопиться не надо, чтобы себя не обнаружить. Ну да не мне вас учить!

– Спасибо, Петрович, я именно так и собирался поступить! – пожал ему руку Кочергин. – Кто из твоих нас до оврага проведет?

– Василий, – кивнул головой Петрович в сторону присевшего неподалеку молодого красноармейца, – он все сделает в лучшем виде!

– Ну что же, тогда выдвигаемся! – обращаясь уже к разведчикам, подвел итог Кочергин. – Порядок следующий: Василий первый, затем лейтенант Буренков, потом Каминский, дальше я с Аликом, старшина замыкающий. Курить и разговаривать запрещено! Если вопросов нет, то все, поехали!

– Веди нас, Сусанин, народный герой! – раздался позади негромкий голос Ермишина, вызвавший короткие смешки среди разведчиков.

Василий, не отвечая на двусмысленную шутку, молча выбрался на бруствер и, извиваясь ужом, пополз вперед. Следом потянулся Буренков, а за ним и остальные.

Тем временем ночь уже полностью вступила в законные права, окутав землю мраком. Находившиеся в траншее красноармейцы разбрелись кто куда, лишь Петрович еще долго вглядывался в темноту, поглотившую разведчиков, но, кроме негромкого и вскоре замершего вдали шуршания скользящих по траве человеческих тел, его чуткий слух ничего уловить так и не смог...

## Глава 4

Утро понедельника выдалось солнечным и теплым. Унтер-офицер разведывательного батальона Артур Нотбек закинул винтовку за спину, поправил рукой пилотку и направился к своему мотоциклу с коляской «BMW R75».

На фронте наступило временное затишье, и разведчиков-мотоциклистов, чей батальон входил в состав танковой дивизии вермахта, стали использовать совсем не по назначению. То пошлют в штаб моторизованного корпуса за почтой, то направят патрулировать дороги в тридцати километрах от передовой. Вот и сегодня в задачу Нотбека и его подчиненных входило обеспечить охрану и сопроводить к девяти часам утра в район железнодорожной станции командира дивизии оберста Хенрика Мейснера, вызванного на совещание высших и штаб-офицерских армейских чинов, проводимое каким-то генералом, накануне прибывшим из Берлина.

Впрочем, унтер-офицера Артура Нотбека подобная рутина ничуть не расстроила, а скорее даже обрадовала. Железнодорожная станция, куда надлежало в целости и сохранности доставить Мейснера, находилась в пятнадцати километрах от линии фронта, то есть в относительно глубоком тылу. А значит, еще один день на Восточном фронте должен был пройти для Нотбека достаточно спокойно...

\* \* \*

Артур Нотбек родился в небольшом городе Бамберге. Его мать занималась домашним хозяйством, а отец владел скромной парикмахерской и, будучи мастером своего дела, старался передать тонкости и секреты профессии сыну. И к девятнадцати годам Артур вполне сносно владел ножницами и расческой, а ручной машинкой «Золинген» стриг клиентов не хуже своего родителя. Но до этого момента в стране, да и в Бамберге, произошло много важных событий.

В районе, где проживали Нотбеки, была еще одна парикмахерская, много лет принадлежавшая Самуилу Кацу. Так и конкурировали между собой два цирюльника до апреля 1933 года, когда пришедший двумя месяцами ранее к власти в Германии Адольф Гитлер призвал к бойкоту еврейских магазинов. Кац был человеком умным и дальновидным. Недолго думая, он продал свое заведение, собрал многочисленное семейство и уехал из города в неизвестном направлении. На месте бывшей парикмахерской вскоре открылась сапожная мастерская. А еще через месяц Нотбек-старший чрезвычайно удивил своих домочадцев, принеся домой в чемоданчике для инструментов выкрашенный темной краской бюст Гитлера.

– Вернер, что это? – понизив голос почти до шепота, удивленно спросила мужа Эльза Нотбек, урожденная Шеллинг (дочь генерала Шеллинга), брезгливо ткнув изящным тонким пальцем в металлическую физиономию рейхсканцлера.

– Ты знаешь, дорогая, что Кац уехал, и во всей округе теперь осталась только одна парикмахерская – наша! – сильным голосом ответил Вернер, достал из кармана мятый клетчатый носовой платок и натужно высморкался в него. – Я не могу спокойно отлежаться дома и вылечить простуду, потому что уже сейчас от клиентов нет отбоя. А среди них много членов НСДАП, которые все вдруг и одновременно воспылали любовью к Гитлеру. Понимаешь, каждый день я стригу и брею десятки этих людей и вместо дежурных разговоров о погоде теперь выслушиваю нескончаемые дифирамбы в адрес Адольфа. Мне уже доводилось видеть, как при одном лишь упоминании его имени взрослые образованные мужчины фанатично вскидывают руку в партийном, или как оно там у них называется, приветствии. Этот ефрейтор становится для немцев идолом, и что будет дальше с Германией, я боюсь и предположить! Но вернемся

в наш маленький мирок. Так вот, если мы хотим сохранить свое семейное предприятие, то должны соответствовать сложившимся реалиям. И эта прекрасная скульптура займет достойное место в нашей парикмахерской!

Последнюю фразу Нотбек-старший произнес нарочито громко и с пафосом. Затем, повернувшись спиной к окну и подмигнув жене, он откашлялся в свой клетчатый платок и самозабвенно принялся натирать им бюст Гитлера.

– Ну что за манеры, господин брадобрей! – покачав головой, делано строгим тоном произнесла Эльза, а затем ласково улыбнулась и нежно поцеловала мужа в щеку. – Вы никогда не станете аристократом!

Супруги весело рассмеялись и обняли друг друга.

Артур, которому несколько дней назад исполнилось одиннадцать лет, сидел за столом и рисовал в альбоме. Несмотря на юный возраст, он был весьма сообразительным ребенком и многое понял из диалога отца и матери. Например, то, что его родители, люди, безусловно, умные и порядочные, не очень любят Гитлера. И это восприятие прочно отложилось в голове Артура, побуждая на протяжении следующих лет осмысливать и анализировать происходящее вокруг...

\* \* \*

...Прошли годы. Заведение Вернера процветало, принося очень солидный доход. Возможно, это отчасти было связано и с пресловутым бюстом фюрера, который красовался на самом видном месте салона «Бавария» – так теперь называлась парикмахерская семьи Нотбек. Но, как известно, жизнь состоит не только из белых полос.

Вторая мировая война, победоносно начавшаяся для Германии на Западе, перешла в новую фазу. Почувствовавший себя всемогущим Гитлер нарушил подписанный с СССР Пакт о ненападении и 22 июня 1941 года двинул танковые армады в глубь советской территории. Несмотря на громкие успехи, вермахт, столкнувшийся с ожесточенным сопротивлением Красной Армии, уже в первые месяцы войны понес большие потери, и осенью в Германии была проведена мобилизация. Призвали в армию и Артура Нотбека. И он ни капли не сомневался, что отправится воевать в Россию.

В последний день на «гражданке» Артур решил с утра пройтись по родному городу, чтобы немного развеяться. Прогулявшись в районе Старой Ратуши и Кафедрального собора, юноша несколько часов бродил по мощеным улочкам и в итоге достиг окрестностей возвышающейся на одном из городских холмов крепости Альтенбург. Глядя на монументальные стены и башни древней цитадели, он внезапно почувствовал, что сильно проголодался, и двинулся в обратный путь.

А возвратившись домой, Артур впервые в жизни увидел отца пьяным. Тот сидел за столом и в одиночку поглощал коньяк, ничем не закусывая. В комнате стоял мощный запах алкоголя, но, несмотря на это, окна были наглухо закрыты и даже плотно зашторены, хотя стрелка часов едва перевалила за полдень. Из рупора стоящего на подоконнике граммофона вырывались бравурные звуки победных военных маршей.

– Запри дверь на замок и садись! – указав на стул рядом с собой, неожиданно трезвым голосом сказал Нотбек-старший и налил до краев очередную рюмку.

Подождав, пока Артур выполнит его указания, отец залпом выпил коньяк и отодвинул бутылку в сторону.

– Хорошо запомни то, что услышишь сейчас, и никогда об этом не забывай, если хочешь выжить на войне, – негромко произнес Вернер Нотбек, пристально глядя сыну в глаза. – Я немного успел повоевать в Первую мировую, всего девять месяцев, но лично мне этого вполне хватило, чтобы понять главное. Суть в том, что кайзеры, фюреры и иже с ними, раде-

ющие за великую Германию, приходят и уходят. А вместе с ними, но только не в истории, а в пламени войн бесславно и навсегда исчезают сотни тысяч обычных немцев, поверивших этим демагогам. Гитлер кричит, что восточная граница рейха будет проходить за Уралом и у каждого арийца появятся десятки русских рабов. Чушь это собачья! Поляки, шведы, французы с Наполеоном – все мечтали о чем-то подобном. И где они теперь, знаешь? Там, где через несколько лет будем и все мы! Нельзя было нападать на Россию – это преступное безумие! Поверь, вместо мирового господства Германию ждет крах, и немцы еще умоются кровавыми слезами!

Заметив, что Артур хочет ему возразить, Нотбек-старший остановил сына упреждающим жестом. Затем откашлялся и продолжил:

– Впрочем, я не спаситель нации, и в первую очередь меня волнует твоя судьба! Если окажешься на фронте, то постоянно думай, старайся предвидеть опасность, будь настороже, спи одним глазом, полагайся только на себя! Потому что война, – это большое и страшное дерьмо, из которого надо выбраться любой ценой! Понимаешь – любой ценой! И всегда помни, что ты единственный продолжатель нашего рода, а мы с матерью очень надеемся еще понанчить внуков на старости лет! Вот, собственно, и все, что я хотел тебе сказать...

Вернер замолчал, опустив голову в раздумьях и играя желваками на щеках. Только сейчас Артур заметил, как постарел его отец, – высокий лоб прорезали глубокие морщины, виски поседели, а всегда живые веселые глаза потускнели. Несмотря на бодрую мелодию, звучащую из граммофона, атмосфера в комнате сгустилась и стала тяжелой.

Минут десять они сидели молча. Неожиданно повернулся ключ в замке, дверь открылась, и в комнату стремительно вошла Эльза. Увидев сына и мужа, она вздохнула, присела на диван и, достав платок, принялась вытирать им глаза, стремительно наполнявшиеся слезами. Вернер посмотрел на жену и перевел строгий внимательный взгляд на Артура. Тот понял, что от него хочет отец, подошел к матери, обнял ее за плечи и, наклонившись к уху, прошептал:

– Я вернусь...

## Глава 5

Утро понедельника 18 мая 1942 года, как уже упоминалось ранее, выдалось солнечным и теплым.

Распустившиеся в своей первозданной весенней красоте светло-зеленые листья сирени неслышно колыхались в мягких объятиях ласкового юго-западного ветра. А укрывшиеся в густых разросшихся кустах соловьи, состязаясь друг с другом, по очереди выдавали замысловато-виртуозные трели. Все вокруг дышало покоем и умиротворенностью. Даже выглядевшие откровенно инородными телами среди живой природы угрюмые обшарпанные стены двух кирпичных строений, из-за близости железнодорожных путей насквозь пропитавшиеся за десятки лет запахами угля и креозота, не портили общей картины.

Именно об этом думал Сергей Буренков, расположившийся на крыше одного из этих зданий. С данной точки открывался прекрасный обзор на прилегающие окрестности.

Минувшей ночью разведгруппа скрытно от противника пробралась в фашистский тыл, преодолев полтора десятка километров, что называется, по пересеченной местности. Сначала их вел Василий, покинувший разведчиков, как и было условлено, возле оврага. Дальше путь маленького отряда пролегал по дну оврага и руслу ручья. Возглавляемые уже майором Кочергиным, они шли медленно и осторожно, бесшумно ступая след в след. Оказавшись за линией фронта среди березовых и сосновых перелесков, разведчики сделали короткий привал. А затем до конечной точки маршрута, ориентируясь по компасу и звездам, передвигались без остановок и в основном бегом, чтобы до восхода солнца успеть занять выгодную для засады позицию. Что и было сделано.

И вот теперь лейтенант, пригревшийся в лучах небесного светила, рассматривал в бинокль дорогу, по которой мимо разведчиков на штабное совещание должны были проехать гитлеровские офицеры.

– Сережа, ты не заснул еще? – раздался снизу тихий голос майора Кочергина.

– Нет, товарищ майор, наблюдаю, – ответил Буренков, с трудом подавив вырвавшийся изо рта зев.

– Ладно, потерпи немного. Уже почти восемь, скоро начнется движение. Ты знаешь, кто нам нужен! А я пока с ребятами в кустиках чуток покемарю!

Лейтенант молча кивнул, хотя с земли разглядеть его жест было нельзя.

\* \* \*

Примерно в то самое время, когда майор Кочергин отправился «маленько подавить на массу», к просторному дому, где расположился командир дивизии вермахта оберст Хенрик Мейснер вместе со штабом, подкатили два мотоцикла «BMW» цвета «фельдграу» с установленными на колясках пулеметами. Стрелки остались сидеть на своих местах, а управлявшие трехколесными «конями» унтер-офицеры спешили. Один принялся разминать затекшую спину, другой же быстрым шагом направился к ступенькам крыльца с явным намерением подняться по ним и зайти внутрь.

– Стой! – выставив ладонь вперед, преградил ему дорогу толстый фельдфебель с надменным лицом, внезапно появившийся в дверях. – Кто такой?

– Унтер-офицер Нотбек, разведывательный батальон! – четким голосом представился мотоциклист. – Приказано явиться в штаб дивизии к восьми часам утра, а затем сопровождать господина оберста на железнодорожный узел и обратно с целью обеспечения его охраны!

– Хорошо, оставайтесь на улице! Я сам доложу о вашем прибытии господину Мейснеру! – фельдфебель произнес эти слова сквозь зубы и таким презрительным тоном, будто лично носил звание оберста, а перед ним был не военнослужащий вермахта, а пустое место.

Развернувшись на коротких ногах, толстяк пошел в дом. Слегка ошарашенный Артур посмотрел ему вслед, затем коротко сплюнул на землю и вернулся к ожидавшим его сослуживцам.

– Ну что? – спросил прибывший вместе с ним унтер-офицер по фамилии Курц.

– Велено находиться здесь, – расстроено произнес Нотбек, поправляя карабин за спиной.

Он с детства не терпел хамства, но это было там, дома. А в данной ситуации с фельдфебелем Артур, являясь младшим по званию, был вынужден промолчать.

– Да не переживай ты! – воскликнул Курц, заметив его состояние. – Это же толстяк Вилли, личный шофер Мейснера! Сволочь и гад, каких мало! Если его не ухлопают русские, то обязательно пристрелят свои! Поэтому забудь и расслабься, тем более...

– Смирно! – прервал его Артур, увидевший боковым зрением, как открылась входная дверь, и на крыльце появился оберст Мейснер с сигарой в зубах.

Дремавшие в своих колясках пулеметчики, услышав команду, выскочили из них, как ошпаренные. Мейснер, окинув высокомерным взглядом вытянувшихся в струнку четверых мотоциклистов, важно прошествовал к автомобилю «Хорьх-901» с откинутым брезентовым тентом. Следовавший за оберстом Вилли, проходя мимо Нотбека, толкнул того локтем в живот и прошипел, словно змея:

– Что застыли, как истуканы! Быстро по местам, кретины! Один мотоцикл едет впереди, второй сзади!

Артур, побагровев, в гневе сжал кулаки, собираясь жестко ответить грубияну, но предусмотрительный Курц пальцами сдавил ему предплечье, не дав совершить опрометчивый поступок...

Через пять минут маленький кортеж, состоявший из двух мотоциклов и расположившейся между ними штабной машины, урча моторами, выехал с проселка на дорогу и взял курс на запад в направлении железнодорожной станции.

\* \* \*

Стрелки наручных часов показывали десять минут девятого, когда лейтенант Буренков разглядел в бинокль быстро движущуюся в сторону разведчиков одиночную черную легковушку. Судя по очертаниям марки «BMW». Дистанция до нее составляла около полутора километров.

«Неужели вот так сразу и повезло? – восторженно подумал Сергей. – Ни мотоциклов сопровождения, ни бронетранспортеров. Бери хоть голыми руками!»

Правда его смутило, что автомобиль имел цельнометаллический кузов, и с крыши на таком расстоянии нельзя было увидеть, сколько пассажиров находится в салоне. Могло оказаться, что внутри сидит вообще только один шофер. А такой вариант разведчиков не устраивал. Поэтому лейтенант решил тревоги пока не поднимать, а немного подождать, когда машина подъедет поближе. И правильно сделал – легковушка резко сбавила скорость, словно чего-то ожидая, а затем не прошло и минуты, как следом на дороге, выжимая максимальные для них пятьдесят километров в час, показались два тяжелых полугусеничных бронетранспортера «Ганомат». В передней части боевого отделения каждой из бронемашин был установлен направленный в сторону леса пулемет «MG-34», а кузова заполнены пехотинцами. Буренков насчитал в общей сложности не менее четырнадцати человек.

– Так не пойдет, фашисты! – проворчал лейтенант. – Вас слишком много, а нам нельзя шуметь!

Вскоре «Ганомаги» почти догнали «BMW», и дальше гитлеровцы продолжили путь уже все вместе.

Сергей отполз от края крыши и, перевернувшись на спину, закрыл глаза, вслушиваясь в усиливающийся с каждой секундой шум. Наконец, гул моторов и лязг гусениц достигли своего апогея – вражеские машины проезжали мимо заброшенных зданий. До лейтенанта донеслись обрывки фраз и отдельные слова на немецком языке.

Обогнув склады, «BMW» с бронетранспортерами набрали ход и через непродолжительное время скрылись вдаль. Наступила тишина, даже соловьи замолкли.

Буренков снова вернулся на свой наблюдательный пункт и прильнул к окулярам бинокля.

Немного погодя мимо засады в том же направлении проследовала целая вереница крытых армейских грузовиков и пара легких танков. Однако все это было не то, что требовалось разведчикам, и лейтенант, глядя на часы, начал потихоньку нервничать.

Но, как известно, удача любит смелых, а также упорных и терпеливых. Ровно в восемь двадцать пять в поле зрения Буренкова попали силуэты двух мотоциклов и легкового автомобиля с открытым верхом. Очевидно, эти фрицы тоже спешили на совещание.

– Ну, наконец-то, – прошептал Сергей, вытирая со лба капли пота, – шесть человек, включая офицера, и без брони, – это нормально! Давайте в темпе, истинные арийцы, мы вас уже жаждались!

Перебравшись на противоположный край крыши, он свесил голову вниз и тихонько свистнул.

Тотчас из кустов появилась седая голова майора Кочергина.

– Клиенты едут? – шутливым тоном спросил Артем, но его светло-зеленые глаза смотрели внимательно и серьезно.

– Так точно, товарищ майор! – улыбаясь, ответил Буренков. – Два мотоцикла с пулеметами и авто с господином офицером. Всего шестеро. В общем, как просили!..

– Ладно, Сережа, к делу! – прервал лейтенанта Кочергин. – Остаешься на крыше и страхуешь ребят, работаешь сразу после старшины! Усек?

– Усек, Артем Тимофеевич! Все понял!

– Хорошо! – произнес Артем, бесшумно исчезая в кустах, и вскоре оттуда раздался его приглушенный ветками и листьями голос: – Напоминаю всем, используем только холодное оружие! Петр, Иваныч, давайте на исходную! Обрызгайте форму спиртом для запаха! Алик, с оптикой за угол, стрелять в самом крайнем случае! По местам, ребята!..

\* \* \*

...Наиболее опасная часть маршрута осталась позади. Все время, пока они передвигались в непосредственной близости от лесных массивов, Артур Нотбек, наслышанный про лихих советских партизан, испытывал громадное внутреннее напряжение. Он каждую секунду ждал пулеметной очереди из кустов или взрыва замаскированного на обочине фугаса. Даже когда лес отступил, а менее чем в километре показалась верхушка водонапорной башни, расположенной в пятидесяти метрах от здания железнодорожного вокзала, буквально кишевшего солдатами вермахта, Артур не мог избавиться от чувства, что вот сейчас прямо из-под дорожного полотна внезапно появятся страшные бородатые фигуры свирепых русских мстителей! Именно такими он их себе представлял.

Лишь свернув направо и проезжая мимо прячущихся в зарослях сирени и выглядящих абсолютно необитаемыми и покинутыми двух кирпичных построек, Нотбек смог немного расслабиться и перевести дух. Но это продолжалось лишь короткое мгновение, потому что уже

в следующую секунду ему пришлось резко затормозить и остановить мотоцикл. В нескольких метрах позади с противным скрежетом замер «Хорьх» оберста Мейснера, в который едва не врезался второй мотоцикл под управлением унтер-офицера Курца. На их пути возникло неожиданное препятствие.

Прямо посередине дороги на так называемой «пятой точке» в расстегнутом наполовину кителе сидел немецкий офицер в звании майора и трясущимися руками пытался обмотать мятым бинтом собственную голову. Но это ему не очень удавалось. Перевязочный материал выскальзывал из непослушных плохо гнущихся пальцев, по-видимому, раненого офицера и неряшливыми лохмотьями свисал с его плеч. Майор тряс головой и, судя по движениям губ, нечленораздельно ругался. Казалось, он не замечал происходящего вокруг. Развернутая упаковка перевязочного пакета и мятая офицерская фуражка валялись неподалеку.

Артур с пулеметчиком молча взирали на эту картину, не зная, что им предпринять. При этом ствол закрепленного на мотоциклетной коляске «MG-34» был направлен в грудь незнакомого майора. Так, на всякий случай. Из замешательства их вывел резкий окрик Мейснера:

– Унтер-офицер! Ко мне! Почему встали?

Нотбек слез с мотоцикла и подбежал к штабному «Хорьху».

– На дороге сидит майор вермахта, господин оберст! – доложил он и не подумавшему привстать со своего сиденья, чтобы самому увидеть, в чем дело, Хенрику Мейснеру. – Возможно, раненый!

– Что значит, возможно!?! – вскипел Мейснер. – Вы не можете отличить пострадавшего человека от здорового? Какие олухи меня окружают!

– Господин оберст... – попытался возразить Артур, но договорить ему не дали.

– Молчать! – истерично завопил Мейснер. – Не смей! Вилли, убери с моих глаз этого тупицу!

Впрочем, последнюю фразу он мог и не говорить. Уже при первых воплях оберста толстяк, несмотря на свой выпирающий живот, сноровисто выбрался из-за руля, схватил Нотбека за рукав и потащил за собой.

Громкие крики и возня, похоже, достигли ушей раненого майора и возымели определенный эффект. Он прекратил тщетные попытки забинтовать свою седую голову и, приложив правую ладонь к виску, поднял рассеянный взгляд на приближающихся Нотбека и Вилли. Последний, увидев, кто находится перед ним, умерил свой гонор и подобострастно спросил:

– Что случилось, господин майор?

– Несколько минут назад меня избил двое пьяных солдат, ударили чем-то тяжелым по голове, – слабым голосом, но достаточно внятно произнес офицер и вытянул левую руку перед собой, показывая в сторону заброшенных строений, – они пошли туда. Мерзавцы думали, что я без сознания, и говорили про какие-то склады.

– Ясно, господин майор! Можете быть уверены, мы схватим этих негодяев! – толстяк щелкнул каблуками и побежал к машине своего шефа, очевидно с докладом.

– Давайте я вам помогу, господин майор, – предложил Артур и присел на корточки рядом с раненым, пытаясь собрать воедино хаотично размотанный бинт.

Тот согласно кивнул головой, произнеся несколько слов благодарности. В этот момент хлопнула автомобильная дверца, и на дороге показался оберст Хенрик Мейснер собственной персоной. Весь его облик выражал гнев и негодование, нижняя челюсть тряслась, а глаза метали молнии. Оберст не просто злился, он был в глубокой ярости! Казалось, еще миг, и Мейснер взорвется.

– Вилли, бери стрелков и за мной! – приказал оберст своему шоферу и перевел сумасшедший взгляд на Артура и Курца. – Вы оба остаетесь у мотоциклов!

– Есть, господин оберст! – за двоих ответил Курц.

Но Мейснер и не ждал ответа. Он окончательно завелся и его, как говорится, понесло.

– Напасть на офицера вермахта, пьяными, днем! Да я вас за ребра подвешу, когда найду, уроды безголовые! Навоз жрать заставлю, свиньи! Будете умолять меня о расстреле! – брызгая слюной, орал оберст, и его безумные глаза, казалось, должны были вот-вот выскочить из орбит.

Артур, на секунду отвлекшийся от своего занятия, с неподдельной тревогой исподлобья посмотрел на Мейснера и поэтому не заметил радостной искры, промелькнувшей во взгляде майора, впрочем, сразу исчезнувшей.

А между тем Мейснер определенно не собирался бросать слова на ветер. Выхватив из кобуры «парабеллум», он быстро пересек дорогу и по неширокой тропинке, обрамленной зарослями сирени, ринулся вперед. Толстяк Вилли и мотоциклисты-пулеметчики устремились за ним, и вскоре их фигуры исчезли за густой зеленью раскидистых кустов...

\* \* \*

...Когда удаляющийся топот четырех пар кованых сапог окончательно стих, унтер-офицер Нотбек все еще продолжал разглаживать и сматывать марлевый бинт с прикрепленным на его конце и уже потерявшим всякую стерильность плотным ватным тампоном. И только сейчас до Артура дошло, что он занимается абсолютно бесполезным делом. Ведь и ему понятно – нельзя накладывать на рану грязный перевязочный материал!

«Как я сразу об этом не подумал, – мысленно чертыхнулся он, – не хватало еще занести майору какую-нибудь инфекцию! Наверное, вопли психопата Мейснера так давили на мозг, что вытеснили из моей головы все простые разумные мысли!»

– Ваш бинт испачкался, господин майор! – сообщил он все еще сидящему с прижатой к виску ладонью офицеру. – Я перевяжу вас своим комплектом!

– Не стоит, унтер-офицер, – остановил его майор, – я чувствую себя лучше. Просто помогите мне встать!

С этими словами раненый протянул свою правую руку и крепко ухватил Артура за левое запястье. Тому ничего не оставалось, как убрать в карман ставший ненужным бинт, напрячь мышцы и потянуть на себя медленно поднимавшегося с земли офицера. Продолжавший сидеть за рулем мотоцикла Курц вначале хотел помочь товарищу, но видя, что тот справляется самостоятельно, передумал, отвлекся и полез в карман за сигаретами. И это, возможно, стоило ему жизни!

Все последующие события произошли в течение нескольких секунд. Нотбек, приложив значительные усилия, все же смог помочь майору. Тот, покачиваясь, встал на полусогнутых ногах, но руки Артура не отпустил, и затем, видимо, пытаясь сохранить равновесие, сделал левой ногой шаг назад, одновременно наклонив туловище вперед.

При этом голова пострадавшего офицера на несколько мгновений оказалась практически на уровне глаз Нотбека, которому хватило одного взгляда, чтобы хорошо рассмотреть покрытый короткими седыми волосами аккуратно подстриженный череп. К своему удивлению унтер-офицер не обнаружил на нем ни крови, ни следов ушибов или травм. Вообще ничего, что бы подтверждало принятый всеми на веру рассказ майора!

Артур нахмурил лоб, пытаясь ухватить стремительную мысль, молнией прострелившую мозг, но не успел. «Раненый», так и не отпустивший его руки, резко дернул Нотбека на себя, а в следующий миг нанес без замаха короткий и мощный удар кулаком в живот, пронзивший невыносимой болью все тело и согнувший Артура пополам. И пока скрючившийся в позе эмбриона унтер-офицер, подобно рыбе, выброшенной на берег, ловил воздух раскрытым ртом, майор выпрямился и сцепленными в замок руками саданул Нотбека в затылок, отправив его в глубокий нокаут. Бесчувственное тело боком повалилось на землю и скатилось в придорожную канаву.

В этот момент Курц, опустив глаза вниз, как раз прикуривал сигарету. Услышав глухие звуки ударов, он посмотрел в сторону, откуда они доносились, и обомлел, отказываясь верить тому, что увидел. Впрочем, охватившее его замешательство было мимолетным. Выплюнув сигарету, унтер-офицер быстрым движением скинул винтовку со спины, но тут же выронил ее из рук – просвистевший в воздухе блестящий клинок пронзил ему шею чуть ниже кадыка, войдя по самую рукоятку и буквально разорвав трахею. Курц захрипел и повалился грудью на руль.

– Привет из Москвы, – подойдя к мотоциклу и выдернув нож из трупа, на чистом русском языке произнес седоволосый майор.

Оттащив мертвого Курца в воронку на обочине и вытерев с лезвия кровь, он сунул клинок за голенище сапога, подхватил с земли фуражку и широкими неслышными шагами торопливо пошел в сторону заброшенных кирпичных складов...

\* \* \*

...В то время, когда майор передавал покойному Курцу «прощальный привет», оберст Мейснер, пробегая мимо закрытой на ржавый висячий замок массивной двери одного из зданий, услышал приглушенные голоса, доносившиеся откуда-то спереди и слева, вероятно из прохода между бесхозными складскими постройками. Оскалившись в зловещей улыбке, он с пистолетом наготове завернул за угол и чуть не воткнулся в самом прямом смысле этого слова в двух сцепившихся между собой солдат, от которых за версту разило алкоголем. И мысль, промелькнувшая в воспаленном мозгу Хенрика Мейснера в эту секунду, была не о том, что он первым геройски настиг потерявших всякий страх и позорящих немецкую армию подонков! Вовсе нет!

«Да эти сволочи в спирте купались!» – вот что подумал оберст, опустив «парабеллум», и сделал два шага назад, зажимая пальцами нос.

Что касается «сволочей», то они никак не среагировали на появление Мейснера. Тот, что постарше, являлся обладателем великолепных пышных усов. Несмотря на высокий рост и богатырское телосложение, он топтался на месте и вяло тряс своего визави за плечи, глядя в пустоту остекленевшими глазами и бормоча какие-то невнятные слова. Второй «борец», совсем молодой парень, был гораздо ниже и в два раза меньше по габаритам. Но, невзирая на это, он обеими руками крепко держал усатого за горло, а также периодически открывал рот и стучал зубами, по-видимому, обозначая намерение укусить оппонента. По всему следовало, что они были почти мертвецки пьяны.

Со стороны шатающаяся пара выглядела достаточно комично. И даже человек с неустойчивой психикой, коим, несомненно, являлся Мейснер, не смог сдержать улыбки. Впрочем, свирепое выражение почти сразу вернулось на его лицо. А раздавшийся позади топот ног дал понять оберсту, что Вилли с мотоциклистами уже близко. И когда запыхавшийся толстяк выскочил из-за угла, его шеф уже снова пребывал, мягко выражаясь, в раздраженном состоянии.

– Что ты застыл, как дохлая черепаха! – накинулся на подчиненного Мейснер. – Быстро арестуй этих паршивцев! Мне еще на совещание ехать!

Обалдевший Вилли вытаращил глаза и бросился выполнять приказ. Подскочив к дерущимся, он завопил фальцетом:

– Немедленно прекратить! Смирно!

С таким же успехом он мог кричать и на кирпичную стену – те двое даже не посмотрели в его сторону. Стоящие позади Мейснера мотоциклисты переглянулись между собой, еле сдерживая смех.

Видя, что слова не возымели действия, Вилли, недолго думая, врезал кулаком в ухо усатому здоровяку и сразу замахнулся вновь, но повторно ударить уже не успел. Стальные ручищи сдавили ему горло и как пушинку оторвали стокилограммовую тушу от земли. Раздался противный хруст ломающихся шейных позвонков, и секундой спустя обмякшее тело водителя шлепнулось на землю.

Все произошло настолько быстро, что никто толком не успел ничего сообразить. Первым немного опомнился Хенрик Мейснер.

– Огонь, кретины! – глядя в холодные глаза усатого гиганта и совершенно забыв про «парабеллум», крикнул он дрожащим голосом, обращаясь к мотоциклистам.

Но вместо грохота выстрелов его слух уловил лишь два негромких вскрика. Повернувшись назад, оберст с ужасом увидел, что охрана мертва – солдаты из отряда унтер-офицера Нотбека лежали в неестественных позах на земле, а над ними застыл незнакомый Мейснеру молодой унтер-фельдфебель с окровавленным ножом в руке. Посмотрев на страшный клинок, оберст Хенрик Мейснер, награжденный за храбрость, проявленную во время польской кампании, орденом железного креста 2-го класса, почувствовал жуткий ледяной озноб, проникший в каждую клетку организма. Он попытался направить пистолет на врага, шагнувшего в его сторону, однако трясущиеся руки отказывались повиноваться, а естество оберста парализовал всепожирающий животный страх. Мейснер открыл рот, чтобы заорать, но в этот миг молодой «борец», тот, что стучал зубами, упал на колени, руками обхватил оберста за лодыжки и резко дернул их на себя. Земная поверхность со скоростью кометы под невероятным углом ринулась Мейснеру навстречу. Он врезался грудью в дерн, издав при этом неповторимый «хекающий» звук. Хотел поднять голову, но удар в затылок погрузил его в густой и бескрайний мрак.

## Глава 6

Когда майор Кочергин появился возле зданий складов, там уже все было кончено. Разведчики по рукам и ногам связали захваченного гитлеровского офицера, вместо кляпа засунули ему в рот скомканный кусок материи и обмотали все лицо бинтом, оставив открытыми лишь глаза.

– Посылка готова, товарищ майор! – с довольным видом потирая руки, приветствовал Артема лейтенант Буренков. – А как у вас прошло?

– Нормально, Сережа! – ответил Кочергин, не вдаваясь в подробности. – Документы немца у тебя?

– Так точно, вот! – Буренков протянул майору солдатскую книжку пленного.

– Смотри-ка, – растягивая гласные, произнес Артем, – командир танковой дивизии оберст Хенрик Мейснер! Полковник по-нашему! Поздравляю, Сергей Викторович!

– Спасибо, Артем Тимофеевич! – подыграл майору Буренков. – Но только господина оберста еще надлежит доставить, куда следует! А путь-то неблизкий!

– Согласен, Сережа! Поэтому хватайте фрица и за мной, валим отсюда!

Лейтенанту Буренкову, естественно, дважды повторять было не надо. По его команде разведчики подняли с земли все еще находившегося без сознания немецкого офицера и понесли вслед за Кочергиным. Буренков шел, как он сам любил выражаться, в арьергарде отряда, прикрывая бойцов с тыла. Вскоре они достигли сиротливо маячивших на дороге автомобиля Мейснера и двух мотоциклов. Лейтенант, не дожидаясь команды, сел за руль одного из них. Кочергин сурово взглянул на подчиненного и погрозил ему кулаком, на что Сергей вместо ответа извиняющимся жестом развел руки в стороны, словно говоря: «Виноват, исправлюсь!»

– Ребята, грузите фашиста в машину! – отвернувшись от Буренкова и едва сдерживая улыбку,скомандовал Кочергин. – Петр, ты поведешь!

– Есть! – отозвался Каминский, занимая в «Хорьхе» место водителя.

Тем временем старшина с Бодаревым аккуратно положили Мейснера на заднее сиденье автомобиля и выжидающе посмотрели на Артема.

– Алик, дуй к лейтенанту! Поедете сзади. Если начнется заваруха, прикроете огнем!

– Так точно! – красноармеец бросился выполнять приказ.

Кочергин еще раз внимательно посмотрел по сторонам, словно боялся что-то забыть. Затем подошел к мотоциклу, около которого стоял Ермишин, залез в коляску и, обращаясь к старшине, негромким проникновенным голосом произнес:

– Иваныч, заводи!

Взревели моторы, и маленький кортеж в том же порядке, что и несколько минут назад, начал движение, но только теперь в противоположном направлении – в сторону линии фронта.

– Тимофеевич, – перекрывая шум двигателя, обратился к Артему старшина, – какой у тебя план?

Оставаясь вдвоем, ровесники Ермишин и Кочергин отбрасывали условности и переходили на «ты».

– Да какой там план, Паша! На транспорте попробуем на «дурачка» проскочить через немецкие посты и добраться до передовой. А уж на месте посмотрим, что к чему!

– Рискованно, командир! Если фрицы обнаружат трупы своих, то сразу догадаются, что произошло! А телефонную связь еще никто не отменял!

– Знаю, Иваныч! Предложи что-нибудь получше! Готовя операцию, я планировал уходить лесом, пешком, но это долго и тоже без гарантий! А сейчас у нас есть колеса, грех ими не воспользоваться!

Старшина в ответ лишь согласно кивнул головой. Дальше поехали молча. Навстречу разведчикам пронесли еще несколько легковушек в сопровождении мотоциклистов и полноприводных двухосных броневиков, но никто из гитлеровцев, по крайней мере, визуально, не обратил внимания на лежащего в «Хорьхе» с перебинтованным лицом оберста Хенрика Мейснера.

Также без проблем удалось миновать и первый встретившийся бойцам пост полевой жандармерии. Кочергин, хмуря брови, довольно резко переговорил с подошедшим к мотоциклу унтер-офицером, после чего шлагбаум, перегораживавший дорогу, был поднят.

А дальше начались неприятности. Через пару километров пронзительный звук автомобильного клаксона заставил Кочергина повернуть голову. Ехавший позади Каминский призывно махал ему рукой, показывая жестами, что требуется остановка. Оказывается у «Хорьха» спустило колесо. Петр быстро осмотрел покрышку и извлек из нее толстый ржавый гвоздь.

– Прокол, товарищ майор! Надо менять колесо! – сообщил он подошедшему Кочергину. – Минут пять займет, может, чуть больше!

– Нет времени, Петя! Да и «Хорьх», наверное, уже ищут! Бросаем машину, а дальше поедем на мотоциклах! Проверьте с Аликом, хорошо ли связан немец, и тащите его к лейтенанту в коляску. В темпе, ребята!

Бойцы поспешили к машине, но тут случилась небольшая заминка. Мейснер пришел в сознание и начал брыкаться ногами, не давая вытянуть себя из автомобиля. Пришлось старшине слезть с мотоцикла и показать оберсту могучий увесистый кулак. Мейснер сразу притих и уже без помех был усажен на место пулеметчика. Чтобы не было видно опутывающих фашиста веревок, коляску сверху накрыли специальным брезентовым чехлом.

Бодарев устроился позади Буренкова, а Каминский, по приказу майора, сел за руль головного мотоцикла вместо старшины.

– Вечно мне достаются самые плохие места! – проворчал Ермишин, с притворным оханьем взгромоздившись на сиденье у Петра за спиной. – Сейчас растрясет старика на кочках и посыплется песок. Ходи потом, собирай!

Разведчики весело засмеялись. Вернувшийся к мотоциклу Кочергин похлопал старшину по плечу и, нарочито кряхтя, разместился в коляске за пулеметом. Это вызвало новые улыбки бойцов.

– Вперед! – бодро скомандовал Артем, а когда мотоциклы тронулись, постучал пальцами по прикладу пулемета и, обращаясь только к самому себе, негромко прошептал: – Чувствую, везение заканчивается...

Майор как в воду глядел. Они проехали совсем немного, когда за поворотом показался очередной немецкий пост. Трое гитлеровцев стояли на дороге перед опущенным шлагбаумом с винтовками наперевес. Еще один находился в небольшой будке, держа возле уха трубку полевого телефона. Немного левее, укрывшись за бугорком, изготовился к стрельбе пулеметный расчет. Кочергин выругался сквозь зубы, снял «MG-34» с предохранителя и взвел затвор.

– Может, проскочим?! – спросил Иваныч, готовя автомат к бою.

– Вряд ли! – ответил Кочергин.

Рискуя вывихнуть шею, он обернулся назад и жестами показал Буренкову, чтобы тот догонял их и пристроился рядом. Лейтенант резко дал по газам, и мотоциклы поравнялись.

– Алик! – закричал Кочергин. – Когда я открою огонь, снимешь пулеметчика! Попадешь на ходу?

– Попробую, товарищ майор!

– Постарайся, сынок! Иначе дальше шлагбаума мы не проедем, и тогда институт ты вряд ли окончишь!

– Считайте, что я уже получил диплом! – парировал Бодарев, снимая винтовку со спины.

– Тогда следи за мною, инженер! – улыбнулся Кочергин, понимая, что красноармейца надо приободрить.

Он хотел еще дать указания Буренкову, но тот, будто читая мысли командира, немного сбросил скорость и теперь вел мотоцикл чуть левее, отставая на пару корпусов.

– Молодец, – прошептал Артем и показал лейтенанту поднятый вверх большой палец. Сергей с довольной улыбкой кивнул головой в ответ.

Затем майор тронул Каминского за локоть, а когда тот повернул голову, сказал:

– Петя, гони на всех парах и не останавливайся, что бы ни случилось, а перед шлагбаумом затормози! Понял?

– Понял! До шлагбаума не торможу!

– Отлично, и смотри, – старшину не потеряй!

Последняя фраза Кочергина осталась без ответа. Петр наклонился вперед, слившись с мотоциклом воедино, и прибавил ходу. Лейтенант повторил его действия, и теперь два мотоцикла, сохраняя между собой дистанцию и заняв по ширине всю проезжую часть дороги, стремительно неслись вперед. Каминский вел трехколесную машину настолько плавно и ровно, что Артем без труда держал на мушке находившихся возле шлагбаума фашистов, которые явно нервничали, не понимая, что происходит.

Разведчикам до врага оставалось преодолеть около сотни метров, когда из будки выбежал унтер-офицер с винтовкой в руках. Что-то громко крича своим подчиненным, он передернул затвор и прицелился в мотоциклистов. Но готовый к такому повороту Кочергин его опередил, срезав длинной очередью всех четверых, а заодно превратив в решето и деревянную будку! Нашпигованные пулями тела еще не успели упасть на землю, как такая же участь постигла и расположившегося за бугорком пулеметчика. Получив пулю, выпущенную из снайперской винтовки, прямо в лоб, он конвульсивно дернул головой и уткнулся лицом в траву. Второй номер расчета вскочил и принялся улепетывать со всех ног, но Бодарев следующим выстрелом уложил и его.

А через несколько секунд мотоциклы уже затормозили перед опустевшим шлагбаумом. Правда, Каминский при этом заложил настолько крутой вираж, что с заднего сиденья на землю все-таки свалился (как и предупреждал майор!) Павел Иванович Ермишин. Впрочем, отлично понимая, что сейчас не до разборок, старшина ограничился коротким устным внушением с одновременным показом лихому водителю своего гигантского кулака. После чего данный инцидент был полностью исчерпан.

Пока Иваныч проводил «воспитательную беседу с молодежью», Артем Кочергин опротя метнулся в похожую на хороший дуршлаг будку и проверил, уцелел ли телефон. Убедившись, что аппарат в порядке, он махнул лейтенанту рукой и крикнул:

– Давайте фрица сюда!

В то время как разведчики исполняли приказание, майор, опершись спиной о стенку будки, изучал карту, планируя дальнейший маршрут. Увидев краем глаза, что Мейснер уже рядом, он убрал карту в карман, поднял взгляд и не смог сдержать улыбки: опутанный веревками и поддерживаемый с двух сторон Буренковым и Бодаревым господин оберст с перемотанной бинтом головой, именно находясь в вертикальном положении, вызывал сильнейшую ассоциацию с древнеегипетской мумией, извлеченной из саркофага!

Заметив выражение лица майора, разведчики переглянулись, потом синхронно посмотрели на Мейснера и прыснули со смеха.

– Долго же до вас доходит! – ухмыльнулся Артем, но сразу посерьезнел. – Ладно, хватит ржать! Освободите немцу рот, нам надо поговорить!

Буренков, давась от смеха и пряча от майора лицо, снял с Мейснера часть повязки и вытащил у него изо рта импровизированный кляп. Теперь оберст стоял с открытой нижней челюстью, демонстрировал разведчикам два ряда прекрасных белых зубов и по-идиотски хлопал глазами.

– Э, ваше благородие, да ты весь затек! – произнес Кочергин. – Без горячительного тут не обойтись! Ребята, у кого остался спирт?

– А мы уже здесь! – дурашливо сказал Буренков, протягивая Артему алюминиевую фляжку. – Судя по запаху, внутри как минимум шнапс!

– Где ты это раздобыл? – спросил Кочергин, откручивая крышку и втягивая носом воздух из сосуда.

– В мотоцикле, в ящике для запчастей! Под ветошью лежала!

– Отлично! Наклоняйте немца! Будем заливать!

Сказано – сделано! И через полминуты содержимое фляжки перекочевало в желудок оберста Мейснера! Тот сразу порозовел лицом и, наполняя атмосферу густым перегаром, принялся ругаться, отпуская в адрес советских разведчиков грубые непечатные выражения. Кочергин со старшиной удивленно глянули друг на друга и, чтобы вразумить не на шутку разошедшегося пьяного оберста, Ермишин в очередной раз был вынужден сунуть ему под нос свой чугунный кулак. И опять, как по мановению волшебной палочки, гитлеровец моментально затих.

– Спасибо, Иваныч! – кивнул старшине Кочергин, и, обращаясь уже непосредственно к Мейснеру, произнес по-немецки: – Слушайте внимательно, оберст, и не перебивайте! У меня приказ: захватить офицера вермахта и доставить его в штаб. Но нигде не сказано, в каком виде доставить – живым или мертвым! Соответственно у вас два пути. Первый, вы отказываетесь нам помогать и прямо сейчас умираете за фюрера! И второй – делаете все, что я скажу, причем беспрекословно, и тогда остаетесь в живых! У вас пять секунд на размышление! Время пошло!

Артем резким движением выхватил из кобуры пистолет и приставил дуло к переносице оберста Мейснера. Но это было уже лишнее.

– Я согласен! – истошно крикнул оберст, отодвигая голову от маленького черного отверстия, таящего внутри себя смерть. – Что вы хотите?!

– Не так уж и много! Просто переговорите с кем-нибудь из штаба своей дивизии или корпуса и сообщите, что вы живы и скоро вернетесь в расположение части вместе с мотоциклистами! Также упомяните, что связь плохая! – Кочергин рукой показал на будку и добавил: – И не забывайте, я все понимаю! Если скажете что-то неправильно, то пристрелю вас, не задумываясь!

Мейснер согласно мотнул головой и, мелко семеня связанными ногами, «прошествовал» следом за Кочергиным к полевому телефону FF-33. Естественно, что и здесь без помощи Буренкова и Бодарева, подпиравших оберста с обеих сторон, также не обошлось.

Пока разведчики вели Мейснера к будке, Артем быстро изучил висящий внутри нее на стене бумажный листок и наладил связь. Затем, услышав на другом конце линии разбавленный помехами голос, он приложил телефонную трубку оберсту к уху и многозначительно погрозил ему пальцем.

Немец прокашлялся и слегка неуверенным голосом спросил, с кем говорит. Наверняка боялся нарваться на командующего корпусом! Но, услышав ответ, тотчас обрел уверенность и практически дословно передал невидимому собеседнику слова майора Кочергина, правда, обозвав при этом некоего обер-фельдфебеля Лауфера тупым рыжим ослом. После чего Артем сразу отобрал у гитлеровца трубку, перерезал ножом тянущийся к аппарату провод и подмигнул стоящему позади фашиста Буренкову.

Лейтенант понял, что от него требуется, и коротким рассчитанным ударом по голове «вырубил» Мейснера. Вместе с Бодаревым они отволокли обмякшее тело оберста к мотоциклу и поместили его в коляску, не забыв засунуть тряпку немцу в рот и снова обмотать его лицо грязными бинтами. В завершение Буренков положил на колени Мейснеру офицерскую фуражку и с помощью Алика заботливо «укутал» оберста брезентом.

Наблюдавший за их действиями Кочергин удовлетворенно хмыкнул и трижды хлопнул в ладоши, обращая внимание разведчиков на себя. Убедившись, что бойцы его слушают, он сказал:

– Ребята, самая опасная часть операции еще впереди! Вы уже поняли, что немцы разыскивают и Мейснера, и нас. Звонок оберста, несомненно, сбил их с толку. Весь вопрос, надолго ли! Я изучил карту и предлагаю рискнуть. Мысль такая: по этой дороге мы едем до второй по счету развилки, там сворачиваем направо и углубляемся в сосновый бор. Выбираем нужную просеку и по ней возвращаемся домой! О том, что по пути мы наверняка столкнемся с фашистами, я думаю, говорить не обязательно, – это и так ясно. Но зато мы объезжаем стороной основные места дислокации немецких частей и подразделений, а с мелкими отрядами уж как-нибудь разберемся!

Кочергин умолк, посмотрел на серьезные лица подчиненных и, чтобы немного снять напряжение, бодрым голосом массовика-затейника произнес:

– Из положительных моментов, товарищи, хочу выделить чистый лесной воздух, красоту первозданной природы, а также путешествие со всеми удобствами...

– И встречи с интересными людьми! – продолжил за майора Буренков, предусмотрительно спрятавшись за широкую спину старшины.

– Об этом, товарищ, я уже говорил! – улыбнувшись, парировал Артем. – Итак, продолжим наш маленький круиз!..

## Глава 7

...«Похоже, день начинается неплохо! – подумал капитан Кобелев, опустив бинокль и прищутив уставшие глаза. – Полчаса наблюдаю, а немцы пока не беспокоят, хотя по времени пора бы! Надеюсь, сегодня будет тихо, и бойцы наконец-то смогут передохнуть!»

Капитан еще раз обвел внимательным взглядом местность, но кроме раскачивающихся в некотором отдалении на ветру деревьев, от которых у него рябило в глазах, никакого движения не заметил.

– Скорей бы уже в наступление, – прошептал он с досадой, массируя пальцами лоб. – Торчим здесь на одном месте, как самые натуральные мишени. Еще месяц такой «жизни», и у меня останется в строю меньше половины личного состава...

\* \* \*

...Позиции стрелковой роты, по мнению ее командира Юрия Юрьевича Кобелева, были расположены далеко не самым удачным образом и вызывали у капитана двойственные и в основном негативные ощущения. Слева и справа от советских окопов раскинулись непроходимые болота, защищавшие красноармейцев от внезапных фланговых атак противника, что являлось несомненным плюсом. Но в трехстах метрах перед траншеями начинался обширный сосновый лес, значительная часть которого находилась под контролем немцев, имевших на данном участке фронта превосходство в живой силе и технике и активно этим пользовавшихся. Мобильные группы гитлеровцев под прикрытием деревьев частенько по утрам выдвигались к самой опушке и открывали оттуда огонь из стрелкового оружия и легких 50-миллиметровых минометов. Наши бойцы в ответ, не мешкая, тоже начинали плотно забрасывать фашистов минами. В дело периодически вступала и советская артиллерия. Противник, получив отпор, сразу же рассеивался и отходил, но через пару часов перестрелка возобновлялась. Результатом боестолкновений являлось то, что в условиях вялотекущей позиционной войны рота несла ощутимые потери. И единственное, что мог предпринять в сложившейся ситуации Кобелев, так это посылать в удаленный дозор небольшие отряды, минировавшие лесные дороги и устраивавшие засады на фашистов. Впрочем, у данной, если можно так выразиться, медали была и обратная сторона, заключавшаяся в том, что красноармейцы и сами иногда попадали в расставленные уже гитлеровцами ловушки. Такой вот получался замкнутый круг...

\* \* \*

...Кобелев размял пальцами папиросу и похлопал себя по карманам в поисках спичек.

– Держите, товарищ капитан! – показавшийся из-за поворота траншеи старший лейтенант Мезенцев протянул командиру маленький коробок.

– Спасибо, Арсений! – поблагодарил Кобелев, прикуривая. – Как настроение у бойцов?

– Так себе! Люди напряжены, ждут очередного обстрела!

– Ну, сегодня должно быть все спокойно! – посмотрев на часы, улыбнулся капитан. – Ты же знаешь, если до девяти утра фашисты не объявятся, значит, и весь день пройдет нормально, без стрельбы!..

Раздавшаяся из леса автоматная очередь заставила командиров инстинктивно пригнуться. Следом прозвучали несколько одиночных винтовочных выстрелов, глухо рванула граната.

– Сглазил, в рот малина! – сквозь зубы выругался капитан и во весь голос закричал: – Рота, к бою! Передать по цепочке, без команды огонь не открывать!

Красноармейцы, надевая каски на бегу, спешно рассредоточивались по траншее, занимая свои места. Между тем стрельба в лесу не прекращалась. Невидимый за деревьями, хлестко ударил пулемет, но его «трель» тотчас оборвал еще один взрыв гранаты. Выстрелы с каждой секундой становились все громче, но к обычным звукам боя теперь добавился еще и странный гул, постепенно усиливавшийся.

– Я к минометчикам, товарищ капитан! – сказал Мезенцев, поправляя на голове фуражку. – Сейчас врежем немцам по самые бакенбарды!

– погоди, Арсений! – подняв руку, остановил его Кобелев. – Прислушайся! На что похоже?

– На мотоцикл! Да не один! Едут в нашу сторону! – старший лейтенант, напрягая слух, удивленно посмотрел на командира роты. – А танков или бронетранспортеров не слышно! Может, фрицы рассудком тронулись или перепились все, если среди бела дня, да налегке в атаку сунулись? А где артподготовка или поддержка с воздуха? Ничего не понимаю!

– А вот мы сейчас и поглядим, что происходит! – приподнявшись над бруствером, ответил капитан. – Смотри левее, вон и гости появились!

Мезенцев повернул голову в указанном командиром направлении и увидел следующее.

По лесной просеке к опушке один за другим на приличной скорости ехали два мотоцикла. На каждом разместились по трое военнослужащих вермахта. Оказавшись в чистом поле, мотоциклы разъехались в разные стороны и следовали теперь к советским траншеям, выписывая по яркой весенней траве разнообразные зигзаги.

– Я же говорил, товарищ капитан, фашисты нарезались в зюю, их на подвиги и потянуло! Вон, что вытворяют! – Мезенцев радовался, как ребенок, впервые попавший на цирковое представление.

Кобелев молчал, наблюдая за происходящим в бинокль, и напряженно думал. Ему многое было непонятно, а он этого не любил. К тому же фигура и лицо одного из мотоциклистов показались капитану знакомыми.

– Где я мог его видеть? – задумчиво прошептал Кобелев, пытаясь собрать мысли воедино и вспомнить нечто важное.

Тем временем еще три мотоцикла с колясками вырулили из соснового бора и остановились. Сидевшие на них гитлеровцы резво спрыгнули на землю и стали грамотно рассредоточиваться по местности. Все, кроме замешкавшегося фельдфебеля. Он слишком долго выключал двигатель, за что и поплатился. Раздался приглушенный расстоянием выстрел, немец взмахнул руками и медленно сполз на землю. Его товарищи, укрывшись в траве, открыли беглый огонь, но не по позициям красноармейцев, а по движущимся по полю мотоциклистам, один из которых сидел задом наперед, то есть спиной к водителю! Непостижимым образом удерживая равновесие, он на ходу палил из снайперской винтовки, не давая залегшим на кромке леса гитлеровцам точно прицелиться!

«Это не фашисты!» – понял Кобелев.

Он перевел бинокль на другой мотоцикл и, резко повернувшись к старшему лейтенанту, закричал:

– Арсений, на поле наши ребята! Я узнал усатого старшину из разведки! Давай, пулей к минометам! Огонь по опушке! Ты понял?

– Понял, товарищ капитан! По опушке! – Мезенцев стремглав ринулся по траншее, будто за ним гналась сотня разъяренных голодных львов.

Кобелев же быстрым шагом пошел в противоположную сторону, чтобы на левом фланге перехватить разведчиков.

– Не стрелять! – из раза в раз повторял он встречавшимся на пути и застывшим в напряженном ожидании красноармейцам, периодически бросая взгляды на приближающихся мотоциклистов.

Капитан добрался до нужной точки в тот момент, когда разведчикам до советских позиций оставалось преодолеть около сотни метров, а стрельба с опушки все не утихала.

«Почему молчит Мезенцев?» – подумал он раздраженно, и тут в небе раздался характерный свист пролетающих над головой мин.

Первый же залп плотно накрыл фашистов, как выразился чуть ранее старший лейтенант, «по самые бакенбарды», раскурочив все мотоциклы и уложив на месте несколько человек. Оставшиеся в живых гитлеровцы решили не испытывать судьбу и устремились в глубь леса, подгоняемые все новыми и новыми минометными разрывами.

А между тем разведчики на своем транспорте уже достигли оборонительных порядков стрелковой роты.

– Ну, вот, кажется, и все, – прошептал Кобелев, наблюдая за тем, как покрытые толстым слоем дорожной пыли мотоциклисты, миновав по краю первую линию траншей, свернули за поросший молодыми березками холм, надежно закрывший их от возможного огня противника, вероятно, все еще прятавшегося в лесном массиве.

Кобелев ловко выбрался на бруствер и подошел к обернувшимся на звук его шагов разведчикам.

– Командир стрелковой роты капитан Кобелев! – представился он, не обращая ни к кому конкретно.

– Майор Кочергин, дивизионная разведка! – ответил седой мужчина средних лет, облаченный в наполовину расстегнутый китель офицера вермахта. – Спасибо, что прикрыли нас минометным огнем! Очень вовремя!

Они обменялись крепким рукопожатием.

– Не за что, товарищ майор! Мы бы сделали это и раньше, но немецкая форма сбила нас с толку! Только когда ваш снайпер подстрелил фашиста на опушке, до меня дошло, что гитлеровцы вряд ли будут убивать друг друга. А потом я разглядел лицо вашего старшины, и все стало ясно!

– Вы знаете старшину Ермашина? – удивился майор.

– Да кто ж его не знает! – улыбнулся Кобелев. – Одни усы чего стоят!

Стоявшие до сих пор молча разведчики дружно рассмеялись. А Петр Каминский, не задумываясь о последствиях, важно надул щеки, достал из кармана расческу и, пародируя старшину, принялся водить ею над верхней губой, за что и схлопотал от покатывавшегося со смеху Иваныча шутиливую оплеуху. Это вызвало новый приступ восторга. Разведчики заметно оживились, давая выход эмоциям, что было просто необходимо, учитывая напряжение последних часов.

Чтобы не мешать их веселью, Кочергин мягко взял капитана за локоть и отвел его в сторону.

– У нас пленный! – майор показал рукой на сидевшего в мотоциклетной коляске с перебинтованным лицом и укрытого по самую шею брезентовой накидкой человека. – Очень ценный немец, которого надо срочно доставить в штаб дивизии! Вы можете выделить несколько бойцов в сопровождение, чтобы по дороге меня и моих людей не приняли за вражеских диверсантов со всеми, как говорится, вытекающими?

– Я сам поеду с вами, не беспокойтесь! Только отдам пару распоряжений, а вы несколько минут передохните!

– Договорились! – улыбнулся Кочергин и полез в карман за папиросой.

Кобелев сделал несколько шагов по направлению к траншее, но вдруг резко остановился и, повернувшись к Артему, тихо спросил:

– А как там, в тылу у фашистов, товарищ майор, очень страшно?

– Не знаю, что и ответить, – задумчиво произнес Кочергин и тяжело вздохнул, – о других не скажу, стараюсь не лезть людям в душу, а, если говорить обо мне, так я уже привык...

## Глава 8

– Я, кажется, с вами разговариваю, унтер-офицер! – Голос незнакомого генерал-лейтенанта вибрирующим гулом ворвался в мозг Артура Нотбека, вызвав новый приступ головной боли, к горлу подступила тошнота.

... Час назад батальонный врач, диагностировав сильное сотрясение мозга, прописал ему постельный режим минимум на три дня, строго-настрого запретив вставать с больничной койки, но потом появился этот генерал, и началось...

– Виноват, господин генерал-лейтенант, не расслышал, что вы сказали! – еле сдерживая рвоту и стараясь отвечать четко, произнес Артур.

Разговор происходил в здании, где временно находился полевой лазарет, в маленькой комнатке без окон. Всю ее обстановку составляли два шкафа с медикаментами, колченогий стол и стул, на котором и расположился генерал. Унтер-офицер Нотбек стоял возле двери и, чтобы не упасть, опирался плечом на ее деревянный косяк.

– Повторяю для глухих! Что произошло по дороге на железнодорожную станцию?! – повысив голос практически до крика, рявкнул генерал. – Нотбек, вы единственный, кто выжил после нападения возле заброшенных складов! Кроме похищенного оберста Мейснера, разумеется! Именно ваши мотоциклисты обеспечивали его охрану! И если я тотчас не получу вразумительных объяснений, то отдам вас под трибунал! Отвечайте, немедленно! И говорите все, что знаете и помните!

– Слушаюсь, господин генерал-лейтенант! Вот, как все было. От штаба дивизии мы ехали обычным порядком. Мой мотоцикл впереди, потом автомобиль господина оберста, унтер-офицер Курц замыкающий. Свернув к складам, я увидел сидящего на дороге раненого майора вермахта и был вынужден остановиться...

– Почему вы решили, что он раненый? – перебил Нотбека генерал, пристально глядя ему в глаза.

– У майора голова и лицо были все в крови! Рассеянный взгляд и несвязная речь, что я еще мог подумать! – с вызовом ответил Артур, но это усилие далось нелегко, и он с трудом подавил рвотный спазм.

... Несмотря на отвратительное самочувствие, Нотбек и без генеральских угроз понимал, что именно на него в большей или меньшей степени могут возложить ответственность за похищение оберста Мейснера. Поэтому унтер-офицер, не моргнув глазом, и соврал, описывая внешний вид раненого. Все-таки «залитый кровью майор» звучит чрезвычайно убедительно и не вызывает дополнительных вопросов!..

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.